

16+

Тайсий Черный
Аккадская формула

Таисий Черный
Аккадская формула

«Автор»

2018

Черный Т.

Аккадская формула / Т. Черный — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11390-9

Старший дознаватель Министерства инфернальных отражений попадет в небольшой город для уточнения обстоятельств довольно старого дела. Однако ему приходится расследовать совсем другое. Он оказывается в центре настоящей битвы и становится участником очень странных и опасных событий. На обложке - картина Ф. Гойи "Гойю лечит доктор Аррьета".
Институт искусств, Миннеаполис.

ISBN 978-5-532-11390-9

© Черный Т., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	41
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Таисий Черный

Аккадская формула

Вместо предисловия

...Знаете, иногда, прогуливаясь по аллеям парка в своем поместье, я люблю вспоминать былые времена, и те далекие, порой, удивительные события, коим мне посчастливилось быть свидетелем. Чаще воспоминания эти всплывают сами по себе, а иногда это случается оттого, что вдруг приходит какая-то мысль, вовсе не связанная с ними – просто некая ассоциация. Да... Шутки ради я словно бы сортирую то, что припоминалось прежде, и затем, как бы приклеиваю к этим историям ярлыки, вроде: «забавное», «страшное» или же «поучительное».

Однажды, вот так, во время одной из прогулок, я размышлял об одной странности Господнего промысла, которую я отмечал за свою жизнь неоднократно. Я имею в виду тот факт, что Высшие силы, когда возникает такая потребность, могут вдруг, ни с того ни с сего, бросить нас за тридевять земель, в суровые жернова лишений, тягот и опасностей. При этом их совершенно не интересуют никакие наши обстоятельства: семейные ли, финансовые (особенно с финансовыми!), как, впрочем, и любые иные. И все это, казалось бы – просто так, ни для чего. При этом нередко отсутствие видимой причины происходящего, доводит нас до отчаяния. Что и говорить, иногда мы даже оказываемся на волосок от гибели, и все это в результате лишь затем, чтобы встретить одного единственного человека, который вдруг скажет что-то или же подарит. Чаще, это вообще происходит мимоходом. И слово то или же подаренная вещь, покажутся не особенно важными или ценными. Более того, совет тот, легко и скоро забудется, а показавшийся бесполезным подарок затем будет годами пылиться где-нибудь в чулане или на чердаке среди прочего хлама.

Но спустя годы или даже десятилетия, уже на другом конце земли, если только не в каком-то из иных миров, вдруг происходит с тобой нечто странное или даже страшное. И из случившейся ситуации уже – бывало – не видно никакого выхода, и вот, ты уже даже готов опустить руки и сдаться, как вдруг вспоминаешь того давнего советчика, повстречавшегося бог весть когда и где. И тотчас же вдруг все становится ясно и просто, и ситуация легко разрешается, словно бы сама собой, как нечто должное, будто тебе дали ключ от неведомой двери. В такие минуты я испытывал невероятный восторг, ибо который раз с восхищением убеждался насколько бывают чудны дела Господни. А еще, я хоть и не верю в судьбу, но все же сам был свидетелем тому парадоксу, что если уж Высшие силы и замышляют какое-то событие, то происходит это у них как-то целиком и сразу. Для них нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Они действуют со временем как с некой тропой, на которой расставляют нужные указатели или же препятствия. Об одном из таких случаев, где мне как раз и довелось стать свидетелем подобных странностей Божьего промысла, я и хотел бы рассказать теперь.

Очень давно, как многие, вероятно уже знают из моих прежних записок, я возглавлял операцию «Черное зеркало», под эгидой четвертого отдела Министерства, и потому был вынужден подолгу проводить время в многочисленных поездках, пребывая порой в самых отдаленных и нередко даже экзотических городах и странах. Эх! Если бы только в «странах и городах»... Иногда приходилось идти даже в иные миры! Как это было поразительно и странно! Я воочию убедился, что миров существует огромное множество, и некоторые из них как две капли похожи на наш с вами, но... всегда вдруг оказывается, что есть там пусть и совсем маленькие, совсем незначительные, но отличия. Впрочем, различия эти чаще бывают весьма существенными. Например, я как-то жил несколько месяцев в мире, где только лишь по подозрению в занятиях магией, могли сжечь живьем на костре! Можете представить, каково мне

было там все это наблюдать?! Но, милостью божьей, в основном, я все-таки работал в нашем, хоть и несовершенном, как и все остальные, но все же более привычном мире.

Надо сказать при этом, что большинство стран и городов, где мне пришлось работать, можно было бы справедливо назвать настоящей «глушью». Там зачастую не было никаких развлечений, и если бы не чтение, к которому я всегда испытывал большую страсть, то полагаю, что мне пришлось бы переносить все упавшие на меня в те годы тяготы, с куда большим трудом. Впрочем, частое и долгое пребывание вдали от дома было также и полезным в том смысле, что воспитало во мне несколько полезных привычек. Я научился рассчитывать только на себя, не болтать лишнего и не особенно церемониться в затруднительных ситуациях, когда исход дела порой решает «полстук сердца». Собственно, даже и не путешествия сами по себе, но сама специфика работы в отделе «инфернальных отражений» сильно изменила и меня и мое мировоззрение. Не скрою, впечатлений у меня за время моей службы набралось не на один том мемуаров, но я не большой охотник до пера и бумаги. Однако я все же решил позволить записать некоторые из своих воспоминаний. Не потому, что я собрался кого-то поучать, отнюдь нет. Более того, это было бы глупо, ибо мало проку для молодых в опыте стариков. Жизнь постоянно меняется, и с нею меняются также и способы ее проживания. И потом, хоть иным мудрецам и удавалось иногда изменить мир, это редко шло миру на пользу. Потому я никого ни к чему не призываю, и ничего не пытаюсь изменить своими рассказами.

Впрочем, опыт опытом, но есть все же вещи, которые не исчезнут и не потеряют своей остроты и актуальности, ни в какое время. Забавное, скорее всего, всегда будет казаться забавным, страшное – страшным, подлость останется подлостью, и, я надеюсь, никогда не станет доблестью даже через века. В общем, когда тебе уже пошел девяносто третий год, следует заботиться о памяти в той же мере, сколько и об очищении оставшегося пути и накоплении силы для последнего слова. Таким образом, если эти записи покажутся кому-то полезными, я буду только рад, хотя, я рассказываю все это лишь потому, что мне просто нравится возвращаться в своих воспоминаниях к тем событиям и людям, словно бы приходить в гости к старым друзьям.

Далее, я передаю перо моему биографу, ибо, как я уже сказал – я не большой охотник писать, и всегда предпочитал лишь живую беседу. Полагаюсь на его мастерство, и молюсь о том, чтобы память не подвела меня в такой важный момент.

Искренне Ваш, Альфред фон Ланге

Глава 1

История, о которой далее пойдет речь, происходила довольно давно, и началась во время визита Альфреда фон Ланге, тогда еще старшего дознавателя Министерства в небольшой город Марионвиль, расположенный посреди обширных лесов и болотистых равнин, прорезанных с юга могучим потоком великой реки святого Игнатия. Причиной этой поездки стал черный коровий мор и затем череда странных событий, о которых и будет рассказано подробнее ниже. Главной подозреваемой в этом деле была некая повитуха Клавдия – женщина, якобы вызвавшая своим колдовством черный ветер¹. В общем, интересуясь такого рода случаями, в Министерстве сочли разумным отправить старшего дознавателя Альфреда фон Ланге, в Марионвиль, не особенно афишируя при этом его визит. В Министерстве также решили, что будет разумным наделить его чрезвычайными полномочиями, на тот случай, если придется прибегнуть к помощи властей или официальных лиц. После долгих и мучительно скучных инструкций в самых разных начальственных кабинетах, Альфреда, наконец, снабдили всеми необходимыми документами и средствами, а также и предписанием относительно даты отъезда. Выйдя на воздух после всей этой болтовни, Альфред отметил, что к его прежнему пониманию задачи, едва ли добавилась хоть сколь-нибудь существенная деталь.

По приезде в Марионвиль, нужно было выяснить, и притом без лишнего шума, представляет ли Клавдия интерес для Министерства. В случае положительном, следовало ее арестовать и препроводить для дальнейших допросов в канцелярию Министерства. Он выехал в указанный день, и спустя неделю тряской унылой дороги, размытой непрерывными осенними дождями, прибыл к месту назначения.

Добравшись до места своего назначения, Альфред, расположился в одной из гостиниц и, около двух недель налаживал нужные связи в городе. Он, прежде всего, познакомился со многими трактирщиками, как в городе, так и в окрестностях, поскольку нет лучших осведомителей в этом мире, чем люди, связанные с этим ремеслом. Кто-то из них согласился работать за небольшую плату, а кто-то просто из «уважения к Министерству». Кроме того, Альфред через тех же трактирщиков, а также и кое-кого из прислуги у себя в гостинице, узнал все, что мог обо всех влиятельных людях города. Относительно же процесса Клавдии оставалось много вопросов, но кое-кто все же обмолвился, что некто Маркус де Ниро уже как будто предпринимал некоторые шаги в плане расследования дела Клавдии, и на основании его выводов, повитуха была признана невиновной по всем статьям обвинения, как коллегией присяжных, так и самим магистратом. Так писали газеты. Довольно скоро выяснилось так же, что этот самый Маркус де Ниро является хозяином частного сыскного агентства «Гончие псы». Желая узнать больше подробностей по этому делу, Альфред решил познакомиться с этим сыщиком несколько поближе, с тем, чтобы выяснить главные моменты, на которых строилось обвинение и защита.

Жил Маркус в небольшом двухэтажном доме с черепичной крышей и беленым фасадом, выходящим на широкую, не менее чем в тридцать локтей, улицу Медников. Альфред нарочно оставил свою гостиницу, и снял комнату на втором этаже в доме, что располагался напротив

¹ **Черный ветер** – явление, впервые описанное монахом Хьюго из монастыря Сен-Андре. Дело в том, что Хьюго, видимо, был также и чернокнижником, и в результате своих опытов, смог не только переходить в «миры магов», но и возвращаться обратно, что и теперь удается немногим. Хьюго, а затем и многие его последователи единодушно сходились к мысли, что нельзя переносить из одного мира в другой никакие предметы, поскольку это приводит к непредсказуемым и часто катастрофическим последствиям. Кажется, сам Хьюго назвал это явление – «черным ветром», поскольку в его случае, такие явления всегда сопровождалась сменой погоды, бурями и продолжительными грозами. Другими признаками черного ветра был также коровий, а затем и лошадиный мор. Корнелий Агриппа также полагал, что спустя четыре дня после возникновения черного ветра, могут погибать младенцы, рожденные в планетарный час Марса. Однако доказать это пока никому не удалось, хотя и действительно, спустя четыре дня детская смертность несколько повышается. (Здесь и далее – примечания А.фон Ланге)

дома Маркуса, с тем, чтобы по возможности не выпускать этого человека из виду. Комната, которая ему досталась, была чиста и уютна, стены были аккуратно побелены. У одной из стен имелся небольшой камин со стеклянной загородкой и аккуратно сложенной вязанкой дров подле него. У противоположной стены находилась весьма удобная кровать, с довольно мягкой периной. Посредине комнаты стоял массивный обеденный стол с четырьмя, грубо сработанными стульями из тигрового клена. Имелся также платяной шкаф темного дерева, и в углу – медный умывальник, начищенный хозяйкой до зеркального блеска и отгороженный от остальной комнаты японской ширмой, с рисунком по шелку, изображавшем рыбаков, вытаскивающих сети.

Через несколько дней наблюдений и расследований, Альфред пришел к выводу, что Маркус человек довольно нелюдимый, но при этом весьма уважаемый в городе. Два года назад, как раз когда ему стукнуло сорок, он овдовел. Детей ему бог не дал, и потому он проводил свободное от службы время, либо на охоте, разъезжая по мрачным окрестным лесам и полям, либо в собственной библиотеке, которая насчитывала у него, по слухам, более двух тысяч томов. Он был, по словам трактирщика Кривого Ласло, очень искусным охотником, не то слово даже: этот дьявол, – по словам этого самого трактирщика, – один раз на спор попал из арбалета в глаз вороне, которая сидела на шпиле собора! По другим свидетельствам, Маркус, хоть и был книжным человеком, но при этом, обладал недюжинной силой циркового атлета. Как-то раз его решили обобрать два подвыпивших матроса, коих в Марионвиле шныряет немало, когда наступают холода. Они стягиваются в город зимовать, бросая корабли до весны в какой-нибудь из многочисленных гаваней, разбросанных по берегам Св.Игнатия. Главным образом, эту публику здесь привлекает дешевизна жилья, обилие водки и возможность продать кое-какой скарб, нажитый в прежних походах. Двое таких подвыпивших молодцов и напали на Маркуса неподалеку от его дома. Говорят, что судья впоследствии назначил этим двум пройдохам довольно легкое наказание, поскольку им еще нужно было долго приходиться в себя на больничной койке, дабы они смогли бы это наказание принять.

Стало также известно от разных людей, что Маркус бывает довольно часто в таверне «Золотое колесо», где Кривой Ласло как раз и был хозяином. Собственно, именно поэтому Альфред и стал наведываться туда, почитай каждый вечер, и от скуки слушал последние городские сплетни, которыми Ласло всегда делился с большой охотой. Вскоре, как и ожидалось, там появился и Маркус. Собственно, тот, заказав кварту пива и свиное колено, сам подошел к столу Альфреда и спросил разрешения присесть, несмотря на то, что свободных столов вокруг было предостаточно.

– Я весь внимание, – сообщил он, усевшись и сложив руки на столе, словно школяр.

Его круглое лицо с темными бакенбардами действительно выражало некоторое любопытство.

– Простите? – ответил Альфред, делая вид, что не понимает, чего от него хотят. Хотя, впрочем, этот визит и столь прямо поставленный вопрос и вправду были весьма неожиданны.

– Быть может, мне будет позволено знать, – как ни в чем ни бывало, объяснил Маркус, – кто за мной шпионит? И с какой целью?

Альфред немного опешил от подобной прямоты, и стал было отговариваться:

– С чего вы, сударь, решили, что...

– Оставьте! – прервал Альфреда Маркус довольно грубо, – Человек, лицо которого мелькнуло трижды за два дня, да еще в самых неожиданных местах – явный шпиик. По-другому не бывает, понимаете?

– Сударь, вы ошибаетесь, уверяю вас!

– Перестаньте! – снова отрезал он. – Вы знаете математику?

– Да, изучал...

– Ну, тем лучше, – Маркус достал из сапога небольшой свиток и развернул на столе. – Извольте видеть! Такова модель. Здесь – распределение вероятностей... Это – условие нормировки. То есть, вероятность тройной встречи на такой поверхности, как наш город, составляет... – он ткнул пальцем в число с множеством нулей после запятой.

– Другими словами, – продолжал он, – в нормальном случае мы могли бы встретиться три раза примерно за восемьдесят семь лет. А вы, насколько я знаю, приехали всего-то две три недели назад. Посему – извольте объясниться.

Альфред кашлянул, он был совершенно ошарашен и не смог сразу найти, что ответить. Он всегда считал себя довольно искусным наблюдателем, да и чего греха таить, и шпионом тоже, но тут был вынужден признать свое поражение, и потому лишь смог ответить:

– Сударь, я действительно искал встречи с вами, но видит бог, слезка никак не входила в мои планы!

– Да? Тогда это странно! А ну-ка – покажите ладони! – потребовал Маркус.

Альфред повиновался. Он даже не стал смещать рисунок папиллярных линий. Во-первых, он уже понял, насколько Маркус не прост и что он все равно заметит подвох, а во-вторых, скрывать действительно было практически нечего.

– Хм... – Маркус задумчиво потер подбородок, – Похоже, вы не шпик... Действительно. Но вы и не какой-нибудь простак с ярмарки! – Этот человек был явно не из тех, кто тщательно подбирает выражения в беседе. – У вас, безусловно, есть и сила, и Дар, и еще... – он снова повертел ладони Альфреда, – какая-то тайна... – он указал пальцем на бугор Марса. – Но чего вам все-таки нужно от меня? – спросил он напрямик.

– Видите ли, – начал Альфред, – я собираю для своей книги всякие необычные случаи. Меня очень заинтересовало дело, промелькнувшее не так давно в газетах...

– Какое именно? – спросил Маркус, отпивая из темной деревянной кружки.

– Дело повитухи Клавдии.

– Ах, это... – Маркус вцепился зубами в свиное колено и, оторвав изрядный кусок, запил его пивом. – На службе, знаете ли, столько жидкости теряешь, – сообщил он, жуя, – не меньше, чем в какой-нибудь кузнице, а пиво отлично помогает...

Он снова оторвал зубами кусок мяса и осушил кружку до дна.

– Еще одну! – заорал он, слегка повернувшись и, подняв левую руку вверх.

Мальчишка – помощник трактирщика мгновенно принес еще одну кружку с колышущейся пеной, и тотчас словно растворился, прихватив с собой пустую.

Альфред терпеливо ждал, пока Маркус насытится, одновременно обдумывая свою позицию.

– Тут, в общем-то, и говорить не о чем, – сказал он, закончив жевать. – Вы помните, в чем ее обвиняли?

– Да, кажется, будто бы она вызвала черный ветер.

– Ерунда! – отрезал он. – Во-первых, черный ветер может вызвать только маг с воздушным союзником. Это описано и у аббата Кремера и у Герберта Леонвильского, и, представьте, даже в записях самого короля Рудольфа. Но дело не в этом, я и сам могу это доказать, без того, чтобы прибегать к таким авторитетам. Просто приведенные ссылки лучше работали в суде.

– Допустим, с воздушным, – немного задумавшись, сказал Альфред. – А откуда вы знаете, какой именно у нее союзник? Она ведь вам не могла рассказать? Или рассказала?

– Да нет, конечно же. Да и что толку? Кто бы ей поверил? Нет, здесь другой ход был нужен. Просто в тот лунный день, что она родилась – а я его вычислил – у нее мог быть только огненный союзник. К тому же, вся эта история началась в четверг, понимаете?

– Ну да, конечно... – Альфред пытался припомнить все детали этого дела, – и Юпитер был тогда в Весах..., а тут – черный ветер....

– А я, кстати, и не уверен, что причиной всех тех событий был именно черный ветер. Не спорю, очень похоже, но отнюдь не обязательно. Да, так вот, возвращаясь к делу Клавдии, я видел свою задачу в поиске оправдательной логики. Я уже понимал, что у нее огненный союзник, но я пока не мог понять какой именно: сова или саламандра? Потом понял: сова. И в самом деле, косвенным доказательством было то, что ни у одной из ее рожениц, ни разу не наблюдали родильной горячки!

– Как любопытно! – искренне воскликнул Альфред. – А что с ней теперь?

– Да ничего. – Маркус пожал плечами, – Живет как жила. Молва понемногу утихла, я еще какое-то время занимался тем случаем, дабы выяснить причину всех событий, а после бросил.

– А как Клавдия выглядит или – выглядела? – спросил Альфред.

– Ну, как вам сказать... Вообще-то, я бы никогда не подумал, что она из простолюдинок. Уж очень у нее благородная осанка, что ли... Она вообще довольно высокая, чуть пониже меня. Брюнетка, глаза тоже черные... Что еще... Ну, все, что положено иметь женщине, у нее было.. – Маркус сделал несколько волнообразных движений в области груди и бедер.

– Сударь, вы бы на себе не показывали, – улыбнулся Альфред.

Маркус громко засмеялся, и, смахнув рукавом слезы, и, снова отпив из кружки, весело сказал:

– А вы не лишены чувства юмора! Это – здорово! Не люблю, знаете ли, напыщенных «индюков»!

– Вы сказали, – продолжил Альфред, – что бросили заниматься этим делом. Почему так?

– Не знаю... почувствовал что-то... – Маркус бросил кость на стол и откинулся на спинку стула.

– Что именно? – с некоторым удивлением спросил Альфред.

Маркус снова молча склонился над своей кружкой. Он несколько раз закрутил на доньшке остатки пива и после внимательно рассматривал получившийся вихрь.

– Как вам сказать... не могу объяснить, – наконец, ответил он. – Это что-то такое... очень уж необычное. Во всяком случае, я встречал подобное описание событий лишь однажды у протопопа Михая Сирина, в его книге «Об исчадиях ада», не доводилось читать?

– Доводилось, – ответил Альфред, кивнув. – И не раз... Любопытный труд, не так ли? Особенно о переходах в миры магов.

– Да вы, я гляжу, тоже человек книжный, – почти обрадовался Маркус.

– Так, немного, – скромно ответил Альфред. – Но, до вас мне, вероятно, далеко.

– Не скромничайте! Да и пустое дело – меряться ученостью, ибо лишь дела наши являются мерилom, каким отмерено нам будет.

– Это верно, – согласился Альфред.

– Кроме того, те события уже давно улеглись сами собой, а вот то, что нынче происходит, – он понизил голос почти до шепота, – меня правда беспокоит.

– Что происходит? – искренне удивился Альфред.

Маркус оглянулся по сторонам, будто высматривая кого-то, и затем, также, почти шепотом, неожиданно спросил:

– Вы когда обычно ложитесь спать?

Альфред немного удивился такому вопросу, но ответил, стараясь быть невозмутимым:

– Обычно, довольно поздно. А что?

– Отлично! – снова обрадовался Маркус, и оглянувшись по сторонам, сказал, – Заходите сегодня на рюмочку шерри, часам к восьми. – Он многозначительно подмигнул. – Тогда и поговорим.

Альфред кивнул, а Маркус спокойно встал, скатал обратно в трубку свой свиток с расчетами и сунул его за голенище сапога. Затем, оставив на столе несколько монет, он, не оглядываясь, направился к выходу.

Огонь камина играл и переливался в бокалах янтарного шерри. Оранжевые пятна плясали и на потолке. Маркус покуривал свою трубку и неторопливо рассказывал.

– Даже не знаю, мой друг... Ничего, что я вас так называю? Вот и хорошо... Не люблю, знаете ли лишних церемоний... Да, так вот, я не могу сказать, что именно явилось самым первым событием в этой истории. Однако я бы начал со странной смерти нашего бургомистра. Это случилось около месяца тому. Было дано официальное медицинское заключение, что он умер во сне от апоплексии. И в самом деле, на первый взгляд все это было довольно похоже, если бы не одно обстоятельство, на которое, впрочем, так никто серьезного внимания и не обратил. Я, к слову, тоже поначалу ничего странного не усмотрел. И вот недавно, раскрываю трактат Иоганна Тритгеймиуса «Природная магия»... – он потянулся за книгой, лежащей на столике подле, раскрыл ее на закладке. Надев круглые металлические очки, Маркус стал водить указкой черного дерева, по уже изрядно пожелтевшей странице, испещренной мелкими буквами...

– Ага, вот: «В случаях попадания в черный вихрь, человек неизбежно погибает. Смерть при этом выглядит естественной, но есть ряд признаков, способных помочь отличить данную смерть от всех прочих. Во-первых, губы пострадавшего всегда иссиня-черные, а в волосах могут наблюдаться спутанные клубки, которые невозможно после расчесать. Во-вторых – кровь такого несчастного полностью меняет цвет, и чаще бывает почти черной, иногда – темно-синей или даже темно зеленой. В-третьих, глаза умершего часто направлены в разные стороны, а положение тела может говорить о некоей предсмертной судороге, и, таким образом, часто его поза напоминает всадника. Иногда, но не всегда, на теле появляются синие или черные шрамы, которых прежде, при жизни умершего не наблюдалось. Так в 1383 году близ Леонвиля наблюдался такой случай. На животе умершего был обнаружен шрам в виде символа Сатурна, что дало основания тамошним властям открыть дело о злонамеренном колдовстве.»

Ну, и так далее... – подытожил Маркус, закрывая книгу. – И что же вы думаете? – продолжил он несколько торжественно, – Именно так все и было! Я поднял протоколы осмотра тела, и обнаружил, что губы были черны, глаза глядели в разные стороны, поза, как они написали в отчете, была напряженной и напоминала ту, что бывает у кулачных бойцов, ну и еще кое-что. На шрамы, к сожалению, никто внимания не обратил, а теперь уже поздно требовать эксгумации, да и оснований, как вы понимаете, для этого маловато. В общем, имеем то, что имеем. Я, понятно, заинтересовался этим делом, и начал свое негласное расследование. Своей первой задачей, я поставил выяснить, кто мог желать ему смерти. Это было несложно. Таковых нашлось немало. Наш бургомистр, был, увы, человеком неуравновешенным и мало-приятным, хоть о покойниках так говорить, и не принято. К слову, первое, о чем упоминали его домочадцы это о его замкнутости и невероятном аскетизме! Он буквально сидел на хлебе и воде! Хотя, супруга и служанка питались вроде бы относительно нормально. Лишь изредка он позволял себе блюда из овощей, а уж мясо или рыбу он и вовсе ел всего-то несколько раз на каких-то официальных приемах. Кто-то мне об этом рассказывал. Впрочем, как ни странно, но при всей своей скаредности, он, видимо, не был алчен. Во всяком случае, наш бургомистр был довольно равнодушен к накопительству. Нет, деньги у него, понятно, водились, но он ни разу не был замечен ни в каких сомнительных связях. А ведь к нему просто косяками шли всякого рода купцы и землевладельцы, пытаясь заручиться поддержкой. Но и тут он сумел нажить множество врагов, отказывая даже в делах, которые могли оказаться очень для него выгодными, и при этом, что называется, «комар бы носа не подточил». Так что, поскольку подозревать можно было многих, дело обещало быть непростым. Но, я не торопился. Я всегда знал, что терпение есть второе имя успеха. В таких случаях, когда не вполне ясно, что и зачем нужно делать, следует сконцентрироваться на нужной идее, но ничего не предпринимать конкретно. Так я и решил. Всякий раз, когда было на то время, я вызывал образ покойного и как бы задавал вопрос: «Кто?». Все шло своим чередом, а я, тем временем, решил поспрашивать у

людей его окружения, не было ли чего-то странного накануне его смерти. Но, никто мне ничем помочь не мог. Все только пожимали плечами, мол, что могло быть странного? Весь день он проводил в городской ратуше, а вечерами дома.

– Но! – Маркус поставил свой бокал на столик и затем поднял указательный палец. – Дело в том, что накануне, примерно с месяц до смерти, бургомистр пригласил меня к себе, дабы сделать свидетелем его завещания.

– Интересно. – Альфред отпил из бокала. – Почему вас?

– Почему меня – не берусь судить. Пару раз я оказывал ему ничтожные услуги, и он мне, видимо, стал доверять больше, чем другим. Короче говоря, он показал мне небольшой окованный ларец. В ларце было, собственно, завещание, которое я и заключил своей подписью как обычный свидетель. Но, кроме завещания, бургомистр принес также и пухлый конверт плотной голубоватой бумаги, пожалуй, чуть больше обычного почтового. На нем не было ни марки, ни штемпелей, конечно. Так вот, конверт он при мне запечатал своей печатью, и после велел мне также поставить и сургучную печать с моим вензелем. Я так и сделал. Тогда он тотчас написал на нем: «Вскрыть сей конверт доверяю Маркусу де Ниро, частному детективу и хозяину агентства «Гончие псы», после моей кончины, конфиденциально и без присутствия кого бы то ни было». Ну, и поставил свою подпись и число. Затем он закрыл ларец, и ключ вручил мне. После этого, он просто повернулся и ушел.

– Так, и где же теперь ларец? – спросил Альфред, немного подавшись вперед.

– То-то и оно! – Маркус щелкнул языком. – Ларец после смерти обнаружить не удалось.

Перерыли весь дом.

– Ну, а ключ у вас сохранился, я надеюсь? – Альфред был явно ошарашен.

– В том-то и дело. Хе-хе... – Маркус почесал подбородок, – Ключ тоже пропал.

– Как это? – удивился Альфред.

– Да вот так... – ответил Маркус уклончиво. – Я держал его в разных местах. То в конторе, то здесь. Но кто-то его стащил.

– А где вы его прятали в последний раз?

– Здесь. За одной из книг, – Маркус кивнул в сторону книжных стеллажей.

– И его точно там нет? Может, вы плохо искали?

– Поверьте мне на слово, – ответил Маркус холодно, – его там нет!

– А что было в завещании?

– Да, в общем, ничего особенного. Практически все должна была унаследовать жена.

Плюс еще несколько мелких поручений и назначений.

– То есть, у жены был мотив и возможность, – сказал Альфред задумчиво.

– Формально – да. – Маркус пожал плечами. – Но, я думаю, что как только вам выпадет случай с ней познакомиться, вы отбросите эту мысль тотчас же.

– Вот как? И почему же? – снова удивился Альфред.

– Ну потому, что это – настоящий ангел во плоти. Более добродетельного и скромного существа я и не встречал ни разу. Да, и вот еще! Бургомистр взял с меня клятву, что никто не узнает о содержании его завещания. Затем он также меня заверил в том, что о существовании этого ларца знаем только мы двое. И что о месте, куда он его спрячет, он мне сообщит позже. Но – так и не сообщил...

– Что ж, оставим пока. – Кивнул Альфред. – А что было в голубом конверте, вы не догадываетесь?

– Что-то, видимо, очень ценное. А может быть – опасное. Не знаю. Он отказался говорить на эту тему.

– Понимаю. Ладно, в конце концов, украденное завещание – это вряд ли дело для моего Министерства. – Альфред встал, прошелся по комнате, а затем снова сел.

– А вот скажите, Маркус, а у бургомистра было какое-нибудь увлечение? Чем он занимался дома по вечерам

– Да, представьте, было. Он реставрировал старые книги. И надо сказать, очень недурно.

– Интересно, а больше ничего странного не было, кроме пропажи ларца?

– Да, в общем-то, ничего, кроме одного, пожалуй. И хоть это события несколько иного рода, я бы хотел рассказать и об этом тоже. Не знаю, как они связаны и связаны ли, но я все никак не могу забыть, ибо мне кажется, что тут что-то не так.

– Ну что ж, это интересно. Расскажите.

– Пожалуй. Сразу после смерти бургомистра начался сильный дождь, который лил с разной силой довольно долго, лишь иногда перемежаясь густыми долгими туманами! А затем, все закончилось, как ничего и не бывало. Причем дождь лил, похоже, только над нашим городом! Если отъехать на несколько лье – все было как обычно. Такой дождь ведь грозил бы страшным неурожаем, но нет – крестьяне в округе почти и не жаловались на это. Второе событие случилось где-то недели через три после того, как я предпринял свое расследование. Дело было вечером, я вернулся домой и обнаружил в дверном косяке воткнутую иглу. Ну, сами понимаете, что это значит... Однако, противник, видимо, держал меня за простака. В общем, как и положено, я обмотал пальцы шкуркой летучей мыши, и, вынув иглу, бросил ее в соляной раствор.

– И что? Игла зашипела?

– Не то слово! Она почти что взорвалась!

– А цвет?

– И цвет стал необычно красный.

– Никогда не слышал о таком. Красный, как что?

– Пожалуй, как обожженный кирпич. И, представьте, и я прежде не слышал о таком. И лишь потом обнаружил у того же Иоганна Тритгеймиуса, правда в другом трактате, что это может указывать на попытку наведения красного морока!² Что скажете?

Альфред только покачал головой.

– Вот-вот, – продолжал Маркус, – а далее, я, как и всегда в таких случаях прокалил каменную соль... – он снова сделал длинную паузу.

– И... -, Альфред снова отпил из бокала и посмотрел сквозь него на свет свечи. Рассказанное Маркусом весьма заинтриговало его.

– И соль поначалу стала практически черной, а затем тоже стала взрываться. Понимаете?

– Понимаю, – ответил Альфред медленно, и стал дергать себя за ус. Эта привычка появилась у него довольно давно: он дергал себя за ус всякий раз, когда мучительно пытался что-то вспомнить. – Как раз недавно, пожалуй, с месяц назад, я читал у Милана Товиса³, что если соль при прокаливании в доме взрывается – это верный признак заговора на смерть или же попытка наслать красный морок. Но я к Товису отношусь, если честно, довольно скептически. Он хоть и был весьма талантлив, но все же, он, скорее деревенский колдун, нежели серьезный маг, и далеко не все мог понимать во всех должных взаимосвязях. Одно дело эмпирический опыт, а другое – серьезное университетское образование. Вы согласны со мной?

– Это верно, – ответил Маркус, – и, тем не менее, я тоже все это понял именно так, как и ваш Товис! И тогда я предпринял, что называется «круговую оборону». Я рассыпал соль вокруг дома. Я развесил по четырем углам в каждой комнате траву Иоанова посоха....

² **Красный морок** – колдовское действие, направленное на дестабилизацию противника. Как правило, люди после наведения к.м. сходят с ума, лишаются памяти, часто находятся в жару и бредят. Внешне состояние пострадавшего напоминает желтую лихорадку. Нередко, спустя тридцать-сорок дней больной с наведенным к.м., умирает. Но бывает, что и выживает, хотя остаток дней чаще всего проводит в скорбном доме. Название данное действие получило от того, что галлюцинации у пострадавших выглядят как некие картины в красном или оранжевом цвете. Могут также быть видения чудовищ, преисподней и т.п.

³ Имеется в виду трактат М.Төвис «Tárgyalja az indukált károk fajtáit», Szeged, 1675

– Стоп! – Альфред поднял руки, как бы призывая остановиться. – Почему Иоанова посоха?

– Ну как вам сказать... Это было что-то вроде наития... В те пару дней Юпитер был в оппозиции с Солнцем, а Иоанов посох – трава союза Юпитера и Солнца... Акт примирения, в общем... Но, я понимаю, что эта часть вполне может быть поставлена вами под сомнение... Да и вот еще... Могу ли я надеяться, что все сказанное останется между нами?

– Послушайте, Маркус, – сказал Альфред, вставая, – у меня нет склонности к праздной болтовне с кем ни попадя, уж поверьте.

– Ну и хорошо, – ответил Маркус, стараясь быть как можно мягче. – Вы садитесь, садитесь, прошу вас! Значит, никто кроме нас двоих никогда не узнает о том, что я хотел бы вам рассказать еще.

– Дорогой друг, – ответил Альфред, тоже смягчаясь, – как вы уже наверняка догадались, я хоть и не шпик, но все-таки – человек государственный... Но, я все же обещаю, что смогу вам помочь, даже, если вы что-то и натворили, в порыве своего расследования...

– Ой, да причем тут!.. – Маркус лишь взмахнул руками, – Да, господа, ну что тут говорить... Ну когда, ваше Министерство предотвратило хоть один «черный ветер», был хоть один случай? А смерть бургомистра? То-то же... А ведь я следующий... Или вы не поняли?

– Нет, я понял, – ответил Альфред, и, видимо, отчасти солгал, ибо вообще-то не понимал ситуацию во всей полноте. – Однако, я тут как раз для того, чтобы во всем разобраться, и по возможности предоставить защиту тем, кто в ней нуждается.

– Защиту... – Маркус откинулся на спинку кресла, – От чего? Вы вообще понимаете, что происходит?

– Пока что, не очень, исходя, кстати, из ваших же показаний. Но, поглядим, что дальше...

– Хорошо. Рассмотрим факты. При этом мы не подразумеваем, что если одно случилось после другого, то это означает, что вследствие другого. Согласны?

– Да. – Альфред достал сигару и аккуратно обрезал кончик.

– Итак! Умирает бургомистр. Затем я предпринимаю свои шаги в расследовании. И тотчас появляется эта игла, плюс дом подвергается серьезной атаке. И что я должен думать?

– Понимаю, – ответил Альфред, – но мне пока что вам сказать нечего. Давайте попробуем разобраться. Вы в городе человек известный. Меня же не знает никто. И в этом наше преимущество. Вы будете изображать то, что потеряли интерес к делу, а я попробую что-то разнюхать. Встречаться будем один или два раза в неделю, в случайных местах и ненадолго. А пока что давайте подумаем о наших дальнейших шагах, ну и о стратегии вообще...

– Хорошая мысль, – Маркус оживился. – Так... Давайте нанесем все, что мы знаем на бумагу в виде схемы. Я уже использовал этот метод не так давно: очень эффективно.

С этими словами Маркус удалился, и его не было слышно минут пять. Затем, откуда-то из темноты другой комнаты Альфред услышал его приглушенный голос:

– Друг мой, помогите мне!

Альфред бросил сигару в пепельницу, вскочил и бросился в комнату, куда ушел хозяин дома. Когда он вбежал, то увидел, что Маркус стоит у стола с рулоном чертежной бумаги в одной руке и чертежными принадлежностями в другой.

– Будьте так добры, барон, возьмите свечу со стола и осветите нам обоим дорогу, а то, как видите, у меня не хватает рук все это донести в одиночку.

Альфред облегченно выдохнул.

Они вошли в гостиную и Маркус, раскладывая на столике бумагу, вдруг насторожился.

– Что-то не так? – спросил Альфред.

– Не знаю... – ответил Маркус. – Вам не кажется, что на нас кто-то смотрит?

– Смотрит? – удивился Альфред – Кто? И откуда?

– Я не знаю... – признался Маркус. – Но это уже повторялось несколько раз... Ага... вот теперь ушло...

– Ушло? С вами все в порядке? – насторожился Альфред.

– Думаю да... – ответил Маркус в своей прежней манере. – Но в следующий раз, если я снова что-то замечу, попробуйте задержать дыхание, насколько возможно, и попробуйте прислушаться к своим ощущениям. Думаю, вы наверняка тоже кое-что заметите.

– Хорошо, – кивнул Альфред немного взволнованно. – И часто вам это кажется? Ну, то, что за вами следят?

– Хороший вопрос, – Маркус немного замялся, – пожалуй, это происходило, раз пять или шесть сразу после того, как я начал наводить справки относительно смерти бургомистра.

– Интересно... Тогда это все меняет... – задумчиво сказал Альфред. – Если только вам это не показалось.

– Думаю, что не показалось, – ответил Маркус довольно уверенно, продолжая раскладывать на столе большой лист бумаги и чертежные инструменты, – Хотя, в этот раз, ощущение было несколько менее отчетливым, нежели раньше.

– Знаете, мой друг, вы только не обижайтесь, но иногда колеблющийся свет камина и свечей, полумрак и полуночная тишина играют с нами странные шутки. Я сам, бывало, и не раз, настораживался вдруг ни с того ни с сего.

– Это верно, – согласился Маркус, усаживаясь в кресло. Не спеша, он снова раскурил свою трубку из вишневого корня, и пару раз пыхнув медвяным дымом, бросил спичку в пепельницу. Затем он откинулся на спинку кресла, и без всякого перехода спросил:

– Так что мы нанесем в центре, в качестве главного символа?

Глава 2

Альфред закурил сигару, первую за это утро, и, развалившись в некогда шикарном кожаном, хотя теперь уже изрядно потертом кресле, стал обводить ленивым взглядом приемную магистрата. Время, как и во всех помещениях такого рода, и в особенности в тех, что бывают с высокими потолками, тянулось медленно, словно дым сигары, поднимающийся в витиеватом танце куда-то вверх к потолку. Танец времени так же, как и дым перетекал ленивыми струями, поднимаясь, и затем, снова опускаясь, уже чуть быстрее. Эта цикличность как бы напоминала о том, что, оно – время – не имеет ни начала, ни конца, и переживет любого на этой земле, вот так же медленно поворачиваясь то вверх, то вниз, предавая забвению целые эпохи, и затеяв вслед за тем новые.

Альфред уже по третьему разу рассмотрел всю обстановку, проглядел от заглавия до тиража купленную загодя тощенькую сероватую, словно промокшую в тумане, местную газетенку, и снова со скучающим видом принялся разглядывать обширную комнату, оклеенную обветшалыми серыми обоями, мучительно ожидая приглашения, наконец-то, пожаловать. Остановить взгляд тут было решительно не на чем: помещение было довольно сумрачным, поскольку окна были завешены тяжелыми шторами. Кроме того, обставлена комната была весьма строго и без изысков, если не сказать – убого. Вдоль стен сплошь тянулись застекленные книжные шкафы и бюро, очевидно некогда красного дерева, но изрядно растрескавшиеся и облупленные. Вполне возможно, что вся эта рухлядь помнила даже первое нашествие варваров. Во всяком случае, было несомненно, что с момента выхода из мастерской краснодеревщика, данная меблировка ни разу не подвергалась даже легкому косметическому ремонту. «Да уж, – размышлял про себя Альфред, ерзая в кресле, – а старик-то и вправду был редкостный скряга».

Прошло еще минут двадцать. Альфред встал с кресла и принялся медленно обходить книжные стеллажи, скорее с тем, чтобы размять ноги, нежели поглазеть на расставленные по полкам однообразные фолианты. Это были, видимо, годовые законодательные уложения, все как на подбор одинаковые – синие с позолотой корешки, без единой буквы, и лишь внизу каждого тома стояло какое-то монументальное римское число вроде MССХХХVI. Томов хотя бы с сотенными номерами обнаружено не было. Их, видимо, уже давно отнесли в запасники, быть может даже лет двести тому назад. Вскоре вышел секретарь – молодой человек, одетый строго, хотя и довольно старомодно. Он был, очевидно, из вчерашних студентов, по какому-то счастливому случаю (вряд ли по серьезной протекции) обретший эту бесцветную должность. Ничего не выражающим голосом он сообщил, что барона фон Ланге просят войти. Альфред раздавил сигару в хрустальной пепельнице, и, одернув сюртук, неторопливо направился к двери.

Войдя в кабинет, он огляделся, и лишь затем увидел в конце комнаты, можно сказать – вдалеке, у противоположной стены, в полутени, отбрасываемой тяжелым занавесом, художественную фигуру, склонившуюся за столом над каким-то документом. Альфред неторопливо подошел поближе и негромко кашлянул. Человек оторвался от чтения, привстал и протянул руку:

– Временно исполняющий обязанности бургомистра Луиджи Феррано. Чем могу служить?

– Позвольте присесть, – с некой невнятной интонацией не то вопроса, не то утверждения, осведомился Альфред, деланно оглядываясь в поисках стула.

– О, да, конечно! Прошу меня простить! – Феррано, немного смутившись, указал на ближайшее кресло.

– Видите ли... – начал Альфред неторопливо, – я пишу статьи для Большой Имперской энциклопедии. – Он протянул визитную карточку, достаточным количеством которых его предусмотрительно снабдило Министерство. – Я специализируюсь на биографиях и готовлю

статьи обо всех, даже мало-мальски значимых людях империи. А тут я узнал о смерти вашего бургомистра, и решил заехать, собрать материал с тем, что бы подать его в ежегодный альманах. Общеизвестные биографические сведения у меня уже есть, и теперь я бы хотел получить некоторое впечатление о покойном, как о человеке. Что бы вы могли сообщить интересного о жизни вашего патрона? Ведь вы были под его началом довольно долго, не так ли?

– Ну, не так уж и долго, всего пару лет, но думаю, что и через десять лет я бы знал о нем ровно столько же, сколько и теперь.

– Вот как? – удивился Альфред – Столько же мало, или столько же много?

– Да, практически ничего, если честно.– Феррано лишь пожал плечами.

– Вы не были знакомы с его семьей?

– Нет, совсем не был. Господин фон Кляйне ведь никогда никого в гости не звал, я уж не говорю о каких-то больших приемах. – Феррано почему-то стал вертеть в руках перо.

– Интересно, – Альфред сделал какие-то пометки в блокноте. – А почему? Как вы полагаете?

– Как бы тут выразиться... – Феррано явно пытался, как можно осторожнее подбирать слова, – видите ли, сказать, что он был скуп – это ничего не сказать. Но если бы только это...

– Скуп говорите? – Альфред приподнял бровь, словно был удивлен.

– О! Ну, судите сами. Много вы видели людей нашего круга, – Феррано кашлянул, словно бы поперхнулся, – которые ... хм... морковные очистки заваривают как чай?

– Неужели! – писатель фон Ланге был словно сражен этой новостью.

– За два года я не видел ни одного прошения, которое бы он удовлетворил, если из городской казны надлежало взять хотя бы фартинг! Но при этом, как ни странно, он охотно давал деньги на строительство дорог и мостов, например. Хотя, надо сказать, после проверял каждый булыжник, не украл ли его кто-нибудь... Да что там! Я видел его в одном и том же галстуке все эти два года нашей совместной службы!

– Надо же! Никогда бы не подумал! – писатель Альфред уже исписал две странички в своем блокноте. – А что же еще?

– Еще?

– Вот вы, говоря о том, что покойный был скуп, упомянули, мол «если бы только это».

– Не хочется говорить дурно о покойном, поймите меня правильно...

– Ну что вы! Не стесняйтесь, прошу вас. Вы ведь всего лишь излагаете факты, не так ли? А я уж после подберу нужные слова, чтобы никому обидно не было, доверьтесь мне.

– Ну что ж... – Феррано откашлялся, скорее из некоего стеснения, – Еще раз прошу понять меня верно, но мне кажется, что ко всему прочему, наш покойный бургомистр еще и страстно ненавидел людей. Не кого-то конкретно, а просто всех...

– Вот как? Но у него ведь были друзья или приятели? – писатель фон Ланге быстро строчил что-то в блокноте, время от времени бросая короткие взгляды на Феррано.

– Да бог с вами! – Феррано лишь махнул рукой куда-то в сторону. – Думаю, что весь наш город делился в отношении к нему лишь на две части: на тех, кто его не любил, и тех, кто люто ненавидел.

– Ну, а как же семья? – поинтересовался писатель.

– Не знаю, – я с ними не знаком, как и говорил, – но слухи разные ходили. Если все, о чем болтали, это – правда, то не думаю, что пропитание почти что одним хлебом и чаем без сахара сильно способствует душевной близости, не так ли?

– Да уж... – энциклопедист был уже явно не на шутку озадачен. – Ну, а к какой из половин «почитателей» господина Кляйне вы бы себя отнесли?

– Не знаю... – замялся Феррано. – Любить я его, конечно, не любил... Наверное, все же к первой... Простите, у меня еще очень много дел сегодня. Не соблаговолите ли зайти в другой раз, попозже?

– О, благодарю вас, и прошу простить за отнятое время! – писатель фон Ланге встал и поклонился кивком головы. – У меня, пожалуй, все. Не смею вас более отвлекать!

Он снова пожал протянутую руку, закрыл блокнот, и, сунув его подмышку, зашагал к выходу.

Выйдя из приемной, и убедившись, что там никого, он согнулся над столом секретаря, и шлепнув на стол визитную карточку, почти томно прошептал: надо поговорить. Буду ждать сегодня в восемь в трактире «Красный петух». Не пожалее! И совсем уж неофициально подмигнув, Альфред направился к выходу.

– Ладно, дорогуша! – сказал Альфред строго. – Или ты отвечаешь на мои вопросы, или... сам понимаешь... Дело твое тухлое, хоть ты и секретарь исполняющего обязанности самого бургомистра. Мне и доказывать ничего теперь не надо! У меня есть трое свидетелей, готовых подтвердить все, что ты тут наболтал! – Три жилистых высоких парня из частной сыскной конторы «Гончие Псы» разом кивнули.

– Так как? Будешь отвечать? Или сразу в камеру полицейского управления?

Бывший студент опустил голову и едва заметно кивнул.

– Только пусть они уйдут совсем. Я и так уж в ваших руках, господин Ланге. – он вроде бы даже шмыгнул носом.

– Условия, Манфред, буду ставить я. – Холодно ответил Альфред.

– Это не условие. Это – просьба. Очень вас прошу, барон. Я вам все расскажу, если только...

Альфред кивнул в сторону двери и трое агентов тотчас исчезли.

– Слушаю вас, молодой человек.

– Итак... Как я и сказал... Мы полюбили...

– Полюбили?

– Да. Именно! – секретарь вскинул голову. – Именно! Это не было «содомией», как у вас это называют! Наша любовь ничем не отличалась от той, что обычно мужчины испытывают к женщинам. Но я не могу этого доказать, и лишь прошу мне верить. Я не так давно любил одну женщину, да что там.. я и теперь ее люблю... хоть и почти безответно... Да и Луиджи тоже имел не один роман прежде. А тут... Мы оба не предполагали, что такое возможно...

– Понятно, и что?

– Один раз, когда бургомистр уехал на несколько дней осматривать строительство какого-то моста...

– Вы занялись этим прямо в кабинете?

– Да... – бывший студент обреченно кивнул. – Никто не ожидал, что он вернется так скоро... Мы чувствовали себя в полной безопасности... Да и дело было уже к вечеру...

– Понятно... – протянул Альфред. – И вы решили его убить?

– Да бог с вами! Что вы такое говорите? – секретарь даже рукой махнул. – И в мыслях не было... Хотя, конечно, когда он умер, мы вздохнули с облегчением... Мы решили, что сам господь нас благословил...

– Так, и что дальше?

– А что дальше? Ничего. Этот боров помер, а у нас теперь есть все шансы сохранить свои должности, если конечно, вы...

– Что вы изучали в университете?

– Право. Немного философию.

– И все? – спросил Альфред строго.

– И все. А что? – секретарь пожал плечами.

– Но, быть может, вы интересовались когда-нибудь халдейской магией? Или Египетской астрологией?

– Да как вам сказать... – Манфред слегка сморщил лоб, – Как все люди, немного интересовался, но быстро понял, что способностей у меня к этому нет, вот и бросил...

– Так уж и нет?

– Герр Ланге, никто и никогда не сможет доказать, что тех или иных способностей у него нет. Это еще, кажется, Зенон Элейский утверждал. Поэтому, раз уж я вообще согласился говорить...

– Вы согласились говорить из страха, а потому – не будем отвлекаться на античную философию! – отрезал Альфред строго.

– Не только из страха, – дерзко возразил Манфред, – я еще также надеюсь на ваше слово джентльмена не придавать огласке наши отношения с Луиджи!

– Ну, это тоже страх, не так ли?

– Ну, если по-вашему страх и честь это – одно и то же... То – да... Спорить я не буду.

– Хорошо. Оставим пока что эти тонкости, – ответил Альфред уже почти примирительно, – Что вы все-таки думаете о смерти господина Кляйне?

– Да ничего я не думаю, – снова пожал плечами Манфред, – Мы жили в страхе почти месяц, можно сказать своей тени пугались. Этот боров уже подготовил указ об отставке Луиджи и моем увольнении... И тут – такое облегчение...

– Это понятно. А что Луиджи? Что он за человек?

– Луиджи? Да нет, что вы... Он бы никогда... Нет-нет, поверьте, даже под угрозой смерти он бы не смог... Я уверен!

– Не смог что?

– Ну... убить... Вы же на это намекали?

– А что, господин Кляйне был убит?

– А мне почем знать? Понятно, что окочился старый хрыч, и слава богу... Но раз уж вы тут меня мурыжите, то поди не все в этом деле чисто? Не так ли? Да и с чего бы вам спрашивать собирался ли я его убить?

– Ладно, Манфред. Пока что можете идти. Будете болтать о нашем разговоре с кем бы то ни было, включая и Феррано – пеняйте на себя. Я молчу до тех пор, пока вы молчите. Думаю, что это справедливо. Так или нет?

– Спасибо. А как...

– Ни вам, ни Луиджи пока что ничего не угрожает. Но если вы что-то вспомните... В общем, будет лучше, если вы мне расскажете первый. Если же я что-то узнаю из других источников... В этом случае также все договоренности теряют силу. Это понятно?

– Да... Понятно... – Манфред встал. – Знаете... Есть вещи, о которых я бы не стал...

– Что такое?

– Ну... Я бы не хотел, что бы вы меня воспринимали каким-то истериком или не вполне нормальным...

– Не мямлите, Манфред! Выкладывайте все, включая ваши фантазии. Иногда и они бывают полезны.

– Ну что ж... Я вам уже говорил, что у нас с Луиджи была, да и есть, большая любовь. Но тут я случайно узнал, что иногда он встречается с каким-то человеком, мужчиной, как правило, в таверне «Голова короля». И обычно – я даже стал записывать – после этих встреч Луиджи дня два-три бывал сам не свой. Пару раз даже меня не узнавал! Представляете? А когда после я его спрашивал, что, мол, случилось? – он ничего не помнил, говорил, что мне все почудилось.

– То есть, вы следили за ним? – спросил Альфред.

– Нет... Не совсем. Только один раз. Я наблюдал издали, но ничего особенного не увидел. Они просто сидели, беседовали, вроде бы играли в карты...

– Это интересно, а что это за человек, с которым он встречался?

– Я не знаю его имени. Не смог выяснить. Но вроде бы это был школьный учитель математики из второй женской гимназии. Это все, что мне известно.

– Ну что ж, Манфред, спасибо. Там посмотрим, что с вами делать. И повторяю – ни вам, ни Луиджи ничего не угрожает, пока я убежден в вашей искренности. Будете лукавить – вы сами понимаете: пеняйте тогда на себя!

– Спасибо, герр Ланге! Я вам очень благодарен за понимание и надеюсь быть полезен в будущем. Вы можете рассчитывать на меня! – воскликнул Манфред, и с этими словами, заискивающе поглядывая на Альфреда, он направился к двери.

Альфред сел и задумался. Следствие начинало понемногу расширяться, что было дурным знаменем. Вот, появился новый персонаж: какой-то учитель, но на самом деле вообще непонятно, его ли – Альфреда это дело – смерть бургомистра. Его-то ведь послали разбираться с личностью Клавдии, а вместо этого он, похоже, завяз в другой истории, которая, быть может, и представляет интерес для Министерства, но тогда становится совершенно неясно, как он сможет вести два дела сразу. В общем, похоже, над головой стали понемногу собираться тучи ...

Глава 3

Шагнув со ступеньки коляски на скользкую брусчатку мостовой, Альфред тотчас полез в карман, и, достал несколько мелких монет. Заплатив кучеру вперед, он велел ожидать его возвращения. Трактир «Луна и яичница», у которого остановился экипаж, был абсолютно ничем непримечателен, располагался на перекрестке дорог в трех лье к северу от города, и потому был выбран как одна из возможных точек встреч.

Выдав кучеру необходимые инструкции, Альфред также, за отдельную плату, велел изображать, что в экипаже что-то сломалось, и он – возница – занят ремонтом, а потому и стоит тут, и новых седоков не ищет. Сам Альфред, прогулявшись вокруг квартала оружейников, и удивившись, что слежки нет, вошел в дверь трактира. За стойкой он увидел хозяина – Большого Карлоса по кличке Брэдбрей. Прозвище это он получил лет пять – шесть тому назад, когда пьяный матрос перебил принесенную ему посуду и отказался платить за причиненный ущерб. Чудовищным ударом, Карлос вышиб из него дух и повалил на стол, заваленный обломками тарелок. Затем, уже не спеша, он намылил его голову и лицо, и также не спеша обрил беднягу своим любимым ножом, который был острее всякой бритвы. После он привел смутьяна в чувство, вылив на него ведро воды, и выставил за дверь пинком под зад. Стоя рядом с Альфредом, Карлос возвышался почти на голову, и при этом выглядел значительно шире. Однако, несмотря на свои внушительные размеры и неистовые повадки, его лицо казалось довольно добродушным, если, конечно, в этот момент его никто не злил.

Карлос, как и было сказано, стоял у стойки в своей любимой красной рубаше в синюю клетку, поверх которой был надет кожаный мясницкий фартук. Штаны он всегда заправлял в сапоги, отчего походил более на купца, нежели на трактирщика.

Войдя внутрь, Альфред почти незаметно кивнул в сторону стойки. Карлос в ответ поднял глаза вверх, как бы приглашая подняться на второй этаж. Двигаясь к лестнице, приходилось переступать через пьяных и поваленные скамьи, что заставляло высоко поднимать ноги, подчас доставая коленями чуть не до подбородка. Перешагивая несколько раз на целых полтора-два шритта⁴, и балансируя при этом на одной ноге, Альфред очень старался не оступиться, и не грохнуться на грязный скользкий пол. Однако, как он ни старался ступать осторожнее, он все-таки поскользнулся на разлитом кем-то пиве, и чуть было не упал на спину, прямо возле лестницы. Впрочем, в последний момент он все-таки сумел немного выровняться и приземлиться не на спину, а на руки и правое колено. Выругавшись, и отряхнув полу сюртука, он встал, и, чуть прихрамывая, стал подниматься по скрипучим ступенькам в полутьму коридора второго этажа.

Маркус был уже на месте и стоял у мутноватого окна, заложив руки за спину, когда Альфред вошел и затем неслышно притворил дверь.

– Садитесь, – сказал Маркус, не оборачиваясь, – Вы голодны?

– Да, немного, но не беспокойтесь. Давайте сначала о деле, – ответил Альфред, снимая перчатки и усаживаясь за стол.

– Ну что ж... Давайте, – Маркус вздохнул и отойдя от окна, поискал глазами куда бы сесть. Наконец, он выбрал довольно потертое кресло, что стояло напротив Альфреда, и, придвинув его еще ближе к собеседнику, уселся, попутно разглаживая на коленях брюки. – Итак, что у нас нового?

– Нового... – Альфред слегка пожал плечами, – Да почти ничего. Но, нам теперь известно, почему бургомистр готовил прошение об отставке Феррано. То есть, у Феррано,

⁴ 1 шритт – мера длины, примерно равная 0.75 м.

конечно, был мотив, но... – Альфред немного скривил губы и стал вертеть пальцами в воздухе, словно бы подбирая слова.

– Что, но? – спросил Маркус, немного поерзав.

– Ну, как вам сказать? Ну не мог он отправить бургомистра на тот свет, да еще посредством черного ветра. Не того полета эта птица. Я пока не могу это доказать, но я убежден. Ну, нет в нем должной силы, что ли. Как я его ни проглядывал... Пустой он. А этот любовник его – и подавно, хотя... что-то с ним не так... Глаза мне его не понравились почему-то...

– Любовник? – Маркус поднял брови.

– Именно... Он и Манфред – любовники. Но это строгая тайна. Я дал слово чести. И вы тоже должны дать слово молчать, договорились?

Маркус сделал понимающий жест рукой.

– Тогда кто же? – спросил он, – Может все-таки, кто-то из них? Мотив налицо...

– Вот и я спрашиваю о том же... Но нет, это не они, уверяю вас. – Альфред даже в сердцах махнул рукой. – Зря только время потеряем.

– Что-нибудь еще? – спросил Маркус серьезно.

– Есть еще одна зацепка, но, похоже, совсем незначительная. Даже и не знаю... – Альфред провел ладонями по темно серым довольно гладким доскам стола, словно бы разглаживая несуществующую скатерть.

– Что такое?

– Видите ли... Манфред утверждает, что у Феррано есть приятель, с которым тот иногда встречается. Нет-нет, там ничего такого предосудительного. Я проверял позавчера. Встречаются в корчме «Голова короля», если помните, она почти у самого леса. Пьют пиво, болтают, иногда в картишки перекидываются, и не более.

– И что?

– Но, по словам того же Манфреда, после таких встреч, Феррано впадает в какую-то летаргию или же состояние, похожее на нее. Он вроде и делает что-то, но потом мало что помнит. Иногда даже знакомых не узнает...

– Летаргию, говорите? – Маркус нахмурился.

– Не я говорю, а Манфред. Больше вроде никто этого не замечал, хотя, он больше ни с кем и не общался, насколько мне известно.

– Летаргия... – задумчиво повторил Маркус. – Видите ли, мой друг, причин у подобной летаргии может быть множество, включая и самые обыденные. Например – лунатизм или паду-чая. Но, проверить этого приятеля все-таки стоит. Вы знаете кто это?

– Да, знаю. Это – учитель в женской гимназии – Густав Йоркович.

– Йоркович? Знакомая фамилия... Где же я ее слышал? И редкая довольно-таки, нездешняя... Видимо, он откуда-то из Трансильвании или даже с Черных гор... – Маркус поднял голову, и, почти полностью прикрыв глаза, стал шевелить губами...

– Вам она действительно знакома? – удивился Альфред.

– Вроде бы... хотя, быть может – и дежавю... Но ощущение, впрочем, весьма устойчивое...

– Может, человек с такой фамилией заходил по каким-то сыскным делам? – предположил Альфред.

– Может быть, но это как раз вряд ли. Клиентов я, как правило, помню всех и довольно долго... Тут что-то другое... Какая-то устойчивая ассоциация... какой-то большой зал и кафедра...!

– Университет? – подсказал Альфред.

– Тоже вряд ли... Там я давно не бывал... Благотворительный бал, быть может... Нет, нет, все – не то... – Маркус стал размахивать кулаками. – Все не то! Не то! Зал заседаний... Нет не то, не то...

- Может, есть проповедник с такой фамилией? Вещал с кафедры, а вы и запомнили?
- Нет! Не то... – Маркус кусал губы, мучительно пытаясь вспомнить имя.

Затем Маркус вскочил со стула и стал носиться по комнате из угла в угол. Иногда он останавливался, шипел и снова рубил кулаками воздух. Затем он сел в кресло у окна и глаза его стали ясны:

– Послушайте, Альфред, я вспомнил! Честное слово! – Маркус сиял – Этот самый Йоркович был свидетелем защиты на суде Клавдии! Ей богу!

– Вот как? Вы уверены? – Альфред был немного поражен предыдущей сценой. – И что нам это дает? Что он говорил, каким образом свидетельствовал, я имею в виду?

– Он выступал всего один раз и совсем недолго, минут десять от силы. Но, по сути, его свидетельство было ключевым. Он сказал, что у его соседки начались роды, а муж ее был в отъезде уже почти с неделю, и что он приехал за Клавдией, чтобы та помогла. Таким образом, в ночь смерти старосты, ее не было в городе, и потому обвинения в убийстве старосты с нее были сняты.

– Стоп, стоп! Маркус, какой еще староста? – замахал руками Альберт.

– Ах, ну да... Дело в том, что Клавдию судили по совокупности дел. Во-первых – вызов черного ветра и последующий мор скота, а во-вторых, ее обвиняли в убийстве старосты деревни, где Клавдия и проживала. Староста тот, якобы обладал неопровержимыми доказательствами того, что черный ветер вызвала именно она. Но я уже не помню, откуда взялось это предположение. И потом со стороны защиты, было еще выступление врача, который считал, что староста умер от апоплексического удара...

– Апоплексического удара? – переспросил Альфред. – Тогда откуда они взяли, что его убили?

– Я уже не помню точно, можно будет уточнить. Но обвинение настаивало, что смерть была неестественной, и являлась следствием колдовства Клавдии.

– Хорошо, а кто-нибудь проверял, действительно ли она была на родах? И если это колдовство, то какая разница, где именно она была в это время?

– Относительно ее места нахождения в момент убийства или же – естественной смерти старосты – ничего не знаю, если честно. Меня тогда интересовала только магическая сторона дела. Но, думаю, это не поздно проверить и теперь. А в плане колдовства, ей как будто инкриминировали, что она сотворила «ложе Иштар», вы знаете, что это такое?

– Пожалуй, в общих чертах... Там используется некая манипуляция с пентаклями⁵

– Ну, в общем – да. Создается два пентакля – Сатурна и Луны. Обязательно в халдейской традиции. Затем пентакль Сатурна подкладывают под матрас тому, кого хотят убить. А с пентаклем Луны нужно выйти к окну будущей жертвы. В момент полнолуния, пентакль следует поднять над головой и сказать заклинание, относящееся к демонам Намтара и Идпа⁶. Если силы у мага достаточно, и если удастся склонить демонов на свою сторону, то тот, против кого направлено колдовство умрет от скоротечной лихорадки или же апоплексии. Но все дело в том, что при этом колдовстве нужно быть рядом с будущей жертвой. А защита как раз и строилась на том, что Клавдии в тот момент в поселке не было.

– Понятно. А почему решили, что он умер именно в результате такого рода колдовства?

– Симптомы...

– Симптомы? – переспросил Альфред

– Ну да... Врач установил смерть от апоплексии, но там еще что-то было, что и дало основание затевать процесс о колдовстве.

⁵ **Пентакль** – предмет, похожий на медаль, который изготавливается из разных металлов, в зависимости от назначения. На аверсе обычно изображают печать ангела или духа той или иной планеты, а на реверсе – обращение к божеству, ангелу или демону на каком-либо магическом языке.

⁶ **Намтара** и **Идпа** – демоны чумы и лихорадки в халдейской мифологии и магии.

– Да, это очень любопытно, и надо бы все-таки узнать о деле Клавдии подробнее, но одному мне не справиться. Надо ведь и в поселок к ней съездить, и с этим Йорковичем перего-ворить. А вы ведь пока что не должны появляться на людях, поскольку вы вроде как в отъезде. Но меня вот еще что волнует: почему бургомистр не уволил секретаря, да и Феррано тотчас же? Чего он ждал? Особенно, если принять во внимание его тяжелый характер.

– Да, в самом деле... – задумчиво ответил Маркус, – ведь прошло не меньше месяца.

– Тридцать восемь дней, – уточнил Альфред сухо.

– Да... это неясно. Но как теперь это выяснить? – Маркус почесал в затылке.

– Пока не знаю, но думаю, стоит еще раз потолковать с нашим новым приятелем Ман-фредом, – задумчиво сказал Альфред.

– Знаете, я, пожалуй, поищу в архиве, может какой-то след покажется. Дело в том, что после смерти бургомистра, часть его бумаг из кабинета была опечатана и передана на хранение в архив вплоть до вступления в должность нового бургомистра.

– Интересно. И как вы собираетесь вскрыть печати? – поинтересовался Альфред.

– Не знаю пока. Надо сначала осмотреться. А помощник, я думаю, у нас есть. Видите ли, у меня есть племянница. Смышленная и довольно образованная девушка: гимназию окончила с отличием, причем училась по усложненной программе. Сестра мне все пишет, чтобы я куда-нибудь ее пристроил гувернанткой или же экономкой. Я до сих пор отделялся общими фра-зами, но, похоже, нам стоит ее использовать, как вы полагаете? Ну, а если все сложится, и она себя зарекомендует, то, быть может, в вашем Министерстве найдется место и для женщины тоже?

– Не знаю, не обещаю, – ответил Альфред задумчиво, – но давайте попробуем. Мне выде-лена небольшая сумма для оплаты наемных помощников, так что ваша племянница в накладе не останется, я думаю.

– Вот и отлично! – Воскликнул Маркус – Завтра же отпишу сестре, и дня через три-четыре, максимум – через неделю, думаю, она будет здесь!

– Прекрасно, – ответил Альфред. – А пока – вы поработайте с архивами, а я еще раз всех допрошу.

– Что ж, до встречи! – Маркус протянул руку и улыбнулся своей широкой улыбкой.

Альфред надел перчатки, взял со стула трость и шляпу, и, ответив на крепкое рукопо-жатие Маркуса, направился к двери.

Глава 4

Альфред спросил у трактирщика пинту темного пива, холодной телятины с горчичным соусом и вечернюю газету. Когда же Кривой Ласло, наконец, принес заказ, Альфред с удовольствием откинулся на спинку кресла, отхлебнул холодной горьковатой пены и развернул серый, еще пахнувший краской газетный лист. Он пробежал по диагонали все городские новости, которые, в сущности, и новостями-то можно было назвать с известной натяжкой, а затем перевернул лист, где были расположены частные объявления. В правом верхнем углу, обрамленный в витиеватую рамку, был напечатан следующий текст:

«Оказываю мелкие услуги по дому или же в конторе. Большой опыт работы секретарем и переводчиком. Читаю и пишу на пяти языках. При необходимости могу также быть и телохранителем. С предложениями о работе обращаться к Ноаху Бакстеру, трактир «Золотое колесо»»

Ясно. Маркус просит о срочной встрече. Что-то случилось. Но что? За все время расследования этот способ связи использовался всего раза три-четыре, и только Альфредом. Например, когда чуть не сгорел дом, где он снимал комнату, или же когда он вдруг почувствовал странную слежку, наподобие того, как это было в доме Маркуса, и когда появились кое-какие важные находки из полицейских протоколов. В сущности, Маркус тоже вполне мог использовать этот канал связи, но все же он прежде предпочитал другие. Не допив пиво, и не притронувшись к мясу, Альфред встал, и, оставив на столе несколько монет, зашагал к выходу. В объявлении было использовано слово «телохранитель», что означало: встреча состоится в таверне «Змея и лев». До нее было минут двадцать ходу быстрым шагом. Если в объявлении не было никаких цифр, связанных с ценой, скажем: «Прошу 15 крон в неделю», то это означало, что встреча должна состояться в восемь вечера. Альфред еще раз глянул на часы: была половина восьмого.

Шел мелкий осенний дождь, и булыжники мостовой сделались очень скользкие, что совсем не способствовало быстрой ходьбе. Уже почти совсем стемнело, и кое-где фонарщики стали неспешно зажигать фонари. Улицы города начали понемногу пустеть. Впрочем, то тут, то там все еще встречались пьяные матросы, подхваченные шустрыми проститутками, лавочники, торопящиеся домой к ужину, да, в общем-то, и все. Еще по дороге к таверне Альфред встретил едущую навстречу двуколку с двумя пассажирами – довольно прилично одетым джентльменом и дамой, очевидно – его женой.

Спустя минут двадцать пять, Альфред увидел знакомый фонарь у входа и вывеску, на которой злобный лев терзал уже едва живую змею. Войдя в таверну, он огляделся, но не увидел никого из знакомых. Как и всегда, в заведении было полно пьяного отребья: мастеровых, мелких приказчиков, девок и их сутенеров. Откуда-то неслась хрипая ругань, стоял страшный гомон, от которого начинало немедленно распирает голову, и поверх всего этого висел почти непроглядный табачный дым и кухонный чад. Вдруг Альфред заметил, что из правого угла, почти возле самой лестницы, ведущей на второй этаж, ему кто-то машет. Сделав безразличное лицо и дав отворот-поворот какой-то пьяной шлюхе, с давно немытыми волосами, попытавшейся было привязаться, он двинулся в сторону лестницы. Подойдя поближе, он увидел довольно крупного матроса, видимо, боцмана, который, скорее всего, служил на испанском судне. На столе стояло уже несколько пустых деревянных кружек, и дымилась трубка. Испанец улыбался во весь рот, он был явно чем-то очень доволен.

– Прошу садиться, – сказал он, указывая на стул, и при этом без малейшего акцента.

– С кем имею честь? – осведомился Альфред холодно.

– Мигель Санчес, – ответил тот, протягивая руку. – Садитесь, садитесь. Ваш друг скоро придет.

- Какой еще друг? – насторожился Альфред.
- Ну, Маркус де Ниро, вы ведь с ним пришли встретиться, не так ли?
- Альфред сел, положил шляпу на стол и закинул ногу на ногу.
- А кто вы такой? И вообще, откуда вы меня знаете?
- Да как вам сказать... Давайте так. Я вам кое-что расскажу, но вы мне должны дать слово, что не уйдете до тех пор, пока я не закончу. Хорошо?
- Обещать ничего не буду, но, я вас, так и быть, внимательно выслушаю. Итак...
- Дело в том, что я и есть Маркус! Спокойно, барон! Прошу вас, сидите! Вы ведь мне практически пообещали! И времени доказать это много не займет. Итак, я – Маркус, и мне, наконец-то удался опыт великого Арнольдо де Вилланова⁷, а это значит, что теперь я могу временно изменять свою внешность.
- Вот как? Как зовут свидетеля защиты на суде Клавдии?
- Густав Йоркович. – ответил Мигель спокойно.
- Как зовут любовника секретаря?
- Манфред... – ответил испанец после секундной паузы, – Еще вопросы?
- Да... – уже не совсем уверенно ответил Альфред. Он был совершенно сбит с толку. Его разум отказывался принимать то, что он видел. – Если вы Маркус... Вы кое с кем поспорили около года назад. И выиграли двадцать монет. О чем был спор?
- Если вы о вороне, которую я сбил из арбалета со шпилья собора святого Маврикия, то спор был не на двадцать, а на двадцать пять талеров. Теперь все? Или еще есть сомнения? Не стесняйтесь, спрашивайте! – испанец довольно улыбался.
- У меня нет слов! Я не понимаю, что происходит.
- Успокойтесь мой друг. Ничего особенного не происходит. Просто мне – скажу еще раз – наконец-то удалось воспроизвести, опыт де Вилланова. Правда, он, в своих трактатах допустил, мягко говоря, неточности с пропорциями, но теперь это уже неважно.
- Что за опыт? – спросил Альфред возбужденно.
- Ну, как же! Де Вилланова утверждал, что посредством довольно простого алхимического деланья можно получить эликсир, способный временно изменять внешность. Вы наверняка слышали о таком. Верно?
- Слышать-то я слышал, но признаться, я еще ни разу не встречал человека, кому бы это удалось повторить. И вообще, я считал, что это выдумки.
- Как видите – нет: мне это удалось. Но – к делу. Штука в том, что измененная внешность, – испанский боцман говорил довольно отрывистыми фразами, и это было немного странно, – особенно при первых попытках, держится недолго – всего несколько часов. Так что, вы – сами понимаете, мне нужно поскорее скрыться в надежном месте. И конечно же до того, как прежняя внешность начнет возвращаться. Не то, если я начну меняться на глазах у окружающих нас людей, может получиться, мягко говоря, конфуз, не так ли? И очень даже возможно, что в таком случае мне и ваше Министерство не поможет. В общем, так: у нас теперь есть преимущество, и я снова в деле. Недостаток метода, однако, в том, что я могу создавать желаемую внешность лишь отчасти. В основном, новый облик мало предсказуем. Так что, возможно, не всякое изменение будет нам полезно. Но – это лучше, чем ничего. Думаю, что к утру я приму свой прежний вид, и вы, если захотите, сможете меня навестить.
- Э, нет! – ухмыльнулся Альфред. – Если все так, как вы говорите, то я буду присутствовать при вашем изменении. В противном случае... – он развел руками. – Сами понимаете...

⁷ Арнольдус де Вилланове – испанский врач и алхимик, стоял у колыбели медицинской алхимии, автор «Салернского кодекса здоровья». Дал описание ядов, противоядий, лечебных свойств различных растений и способов их употребления. Автор многих алхимических трактатов.

– Понимаю... – Ответил Мигель-Маркус, – Ну что же... Тогда пойдем, не будем терять времени. Думаю, что моя настоящая внешность начнет возвращаться довольно скоро.

С этими словами он встал и двинулся к выходу. Альфред, на всякий случай, проверил стилет, спрятанный в трости, и двинулся вслед за испанцем.

Уже при выходе, Мигель-Маркус прошептал:

– Идите шагах в двадцати, а еще лучше, поезжайте в гостиницу «Корона» на извозчике. Я там снял комнату. Подниметесь на третий этаж. Комната 32. Понятно?

– Хорошо. Это далеко?

– Да нет – пару кварталов прямо, потом направо.

– Понятно. Надеюсь, это не розыгрыш.

– Перестаньте, Альфред! До розыгрышей ли теперь? В общем, буду ждать вас минут через сорок. Постучите нашим обычным кодовым стуком, договорились?

– Хорошо, до встречи!

Выйдя из таверны, Альфред свернул направо, а Маркус двинулся влево, вверх по улице. Вскоре Альфред остановил извозчика, и велел тому ехать в «Корону». Кучер деловито присвистнул лошадям, и те бодро зацокали копытами по мокрой скользкой брусчатке.

Под стук колес думается особенно легко и приятно, это всякий скажет. Альфред вспомнил университетские лекции по курсу алхимии. О, да! Великий Арнольдо де Вилланова! Как же, как же! Выдающийся ученый, философ и врач. Один из немногих, кто действительно получил философский камень... Профессор университета в Париже... Как далеко бы он мог пойти, и сколько всего еще мог бы открыть, если бы не слишком «длинный» язык, невероятная способность постоянно ввязываться во всевозможные скандалы, и недюжинный талант наживать себе самых опасных врагов. Даже дружба с Папой ему, увы, не помогла. Впрочем, все это было так давно... И потом, большая часть его рукописей все равно была либо уничтожена, либо просто утеряна. Откуда же Маркус взял его записи? Хотя, в его коллекции рукописей, видимо, можно, при желании, отыскать и не такое...

Коляска подкатила к гостинице и плавно остановилась. Альфред протянул кучеру плату вместе с хорошими чаевыми, и после, поблагодарив, сказал, что тот может быть свободен.

Пройдясь вдоль квартала вперед и назад, он остановился на пороге гостиницы. Оглядевшись еще раз, и убедившись, что хвоста нет, Альфред ступил вовнутрь довольно обширной, но несколько мрачноватой прихожей. На него никто особого внимания не обратил: гостиница была самая заурядная, из дешевых, не выдавшая ремонта уже, поди, много лет. Относительно того кто приходит и кто уходит – здесь, похоже, никому дела не было. Весьма пожилой консьерж дремал у себя за конторкой, и лишь изредка просыпался, вздрагивая, когда кто-то из постояльцев швырял ключи на его бюро. Альфред, ничего не спрашивая, стал подниматься по скрипучей истоптанной лестнице, опираясь на липкие перила. Бордовая ковровая дорожка, покрывавшая лестничные марши давно выцвела, и местами в ней даже зияли дыры. Освещение и вовсе было скуднее некуда: лишь на поворотах кое-где горели подвешенные на крюках керосиновые лампы. Третий этаж был последним, и, видимо, самым дешевым. То там, то тут за дверями раздавались пьяные крики, где-то, похоже, дрались, и во всем коридоре стоял неизбывный смрад табачного перегара и еще какой-то кислоты.

Комната за номером тридцать два находилась по левую руку от просторного эркера, куда и вела лестница, и из которого затем в стороны расходились коридоры. Альфред нажал на кнопку предохраняющую стилет от случайного раскрытия. После еле слышного щелчка, лезвие высунулось из трости на толщину ногтя. Альфред тихо подошел к двери и постучал, но не условным стуком, а первым пришедшим в голову – три легких удара, разделенных короткими паузами, и затем – двумя длинными. За дверью тотчас послышалась какая-то возня, и затем дверь открыл смуглый человек, вовсе не похожий на того испанского боцмана, с которым Альфред недавно разговаривал.

– Входите, входите, прошу вас... – сказал человек. – И побыстрее, я уже начал меняться, как видите.

Альфред ступил внутрь весьма убого обставленной, но довольно чистой комнаты, которую, очевидно и снимал человек, утверждающий, что он Маркус. Также как и все прочие помещения гостиницы, комната была освещена лишь керосиновой лампой, фитиль которой был убран почти до самого края.

– Я могу присесть? – спросил Альфред.

– Что вы спрашиваете, дружище! Разумеется, садитесь, где вам будет угодно!

Альфред уселся за стол, и, положив стилет на колени, снова взглянув на человека. Хозяин номера снова изменился настолько, что Альфред чуть, было, даже не вскрикнул, и теперь он был абсолютно не похож на того, который открывал дверь. Теперь это был довольно пожилой господин, с вытянутым небритым лицом, седоватыми бакенбардами и очень печальными глазами.

– Как это происходит? – едва сумел выдать из себя вопрос Альфред.

– Я бы сказал – скачками, – спокойно ответил пожилой господин, – причем, очередные изменения происходят через разные промежутки времени. Одним словом – процесс весьма спонтанный.

– Вот как? – Альфред действительно был не на шутку удивлен. – А как вы знаете, что трансформации прекратились? Я имею в виду, ту фазу, когда вы превращаетесь в кого-то, а не обратно в себя.

– Ну, как вам сказать. Я ведь все-таки стремлюсь прийти к некоторой желательной внешности. И каких-то черт мне все-таки добиться удастся, пусть и ценой гигантского напряжения. К слову, портретного сходства с желаемым образом не мог добиться и сам мэтр де Вилланова.

Внезапно произошло еще одно превращение. Перед Альфредом уже сидел рыжий мужчина средних лет в темно-коричневом клетчатом костюме – явно из портовых складских приказчиков. Альфред даже отшатнулся от неожиданности.

– Ага... вот снова произошло, – констатировал рыжий, – Думаю, еще одно-два превращения и все закончится.

– Все это так необычно! Я бы ни за что не поверил в такую возможность, если бы только сам не увидел это своими глазами!

– Да, это довольно необычно. Я согласен, – кивнул рыжий приказчик.

– А бывает так, что промежуточная внешность, скажем так, не мужская, или вообще не человеческая?

– Нет, о таком я не слышал ни разу. Если превращение делает мужчина, то и все образы мужские, если женщина – то образы будут соответственно – женские. Почему так – не знаю, но смутно догадываюсь.

– Правда? – с любопытством спросил Альфред.

– Да. Дело в том, что я, как мужчина использовал мужскую версию алхимического дела по трактатам де Вилланова. Но, Мария Коптская⁸, например, утверждала, что существует и женская версия этого процесса, и что она также сумела достичь подобного превращения, используя лишь женские элементы. Ну, вы понимаете: сурьма вместо висмута, черное серебро вместо белого и так далее...

– Да, понимаю, конечно, – ответил Альфред задумчиво, – но об этом еще меньше свидетельств, чем об экспериментах де Вилланова.

– Это точно! Лично я видел ее рукопись всего однажды, да и то мельком.

⁸ **Мария Коптская** – первая женщина-алхимик, предположительно жившая в I или 3 в. н. э.; возможная основательница александрийской алхимической школы, изобретательница ряда химических аппаратов и процессов, используемых по сей день. В частности – изобретательница метода подогрева на «водяной бане».

– Правда? И где же?

– Да, знаете ли, давно это было... Кажется, в каком-то монастыре на юге...

– Правда? Вы не рассказывали, что путешествовали по южным монастырям.

– Не то, чтобы я путешествовал... – рыжий вздохнул, – я ведь итальянец... А Италию я в молодости изрядно исколесил, да, знаете ли, – жизнь заставила.

– Вот как? Интересно будет как-нибудь послушать о ваших странствиях подробнее, – Альфред попытался держаться как можно естественнее.

– О, само собой! Когда все закончится, мы непременно поболтаем и об этом тоже! – рыжий клерк зажмурился, словно от боли, и закрыл лицо руками. Он сжимал лоб, словно пытаясь сдержать крик, способный вырваться из горла в любую минуту, а затем все как-то резко прошло, и, изумившись, Альфред увидел, что перед ним сидит Маркус.

– Вот это да! – ахнул Альфред и откинулся на стуле.

– Да, кажется, все закончилось! – с некоторым облегчением вздохнул Маркус и провел ладонью по лицу. – Да, но теперь давайте вернемся к «нашим баранам»...

– «Баранам»? – переспросил Альфред

– Ну, это такая английская поговорка... вы не слышали прежде? Что-то вроде «вернемся к нашим делам насущным»...

– Нет, не слышал. Так о чем вы желали бы поговорить? Что-то случилось, кроме удачного эксперимента с изменением внешности?

– В силу того, что я снова в деле, я хотел бы обсудить наши дальнейшие шаги. Во-первых, я думаю, больше нет смысла жить в моем теперешнем убежище. Изменяя внешность, я могу жить в любой гостинице или трактире, верно?

Альфред кивнул.

– Далее. Что нам известно о смерти бургомистра? Первое – он отправился на тот свет не по своей воле. Так?

Альфред как-то невнятно кивнул, и едва заметно пожал плечами.

– Но нам не совсем понятно, каким именно образом. Верно?

– Мы ведь вроде уже говорили насчет яда, правда, не совсем ясно какого именно. Вам удалось что-то разыскать? – спросил Альфред.

По лицу Маркуса пробежала едва заметная даже в полутьме легкая «тень»:

– Нет, я пока ничего с этим не выяснил. Но, я все-таки склоняюсь к тому, что это кураре.

– От кураре губы не чернеют. И не наблюдается подобного окоченения. Нет, это яд экзотический, каким, видимо, не столько убирают с дороги, сколько наказывают. Мы ведь уже говорили об этом. Вы забыли? – невозмутимо спросил Альфред.

– Ах, да, конечно. Я встречал кое-какие упоминания о ядах туземцев Новой Индии, они очень сложные по составу, но некоторые используются именно для наказания, ибо вызывают страшные муки. Однако, я пока не нашел ничего относительно почернения губ и позы кулачного бойца...

– Ну, это выяснить очень важно, однако, не менее важно найти того, кто был бы в этом заинтересован. Как я понял, у всех наследников – алиби, не так ли? Или нет? – спросил Альфред, невозмутимо разглядывая свои ногти.

– Я еще проверяю некоторые факты, но пока что – да. В основном, все алиби подтверждаются, – ответил Маркус

– Ну что же... Будем накапливать факты... – задумчиво проговорил Альфред.

– Да, конечно, – ответил Маркус, вставая. – Думаю, нам пока стоит двигаться в том же направлении.

– Несомненно. – Альфред тоже встал. – Если вы снова измените внешность, и вам нужно будет встретиться, я буду каждый день в трактире «Золотое колесо» в шесть вечера. Скажете

пароль : «Сеньор Родригес велел вам передать, что в прошлый раз вы забыли у него свою табакерку»

– А какой будет отзыв? – спросил Маркус.

– Ну, я, вообще-то внешность менять не собираюсь. Хотя, возможно, вы правы... Отзыв такой: «Сеньор ошибается. Я не нюхаю табак. Я лишь курю трубку»

– Ясно. Тогда до встречи! – Маркус протянул руку.

Альфред пожал ее, и отметил, что рукопожатие было вялым, в отличие от сухого и крепкого, каким его обычно одаривал Маркус. С тем он и направился к выходу. Уже у двери Альфред обернулся и невольно вздрогнул: у стола в той же позе стоял вовсе не Маркус, а какой-то другой человек, которого Альфред прежде никогда не встречал. Это был молодой, довольно высокий худой человек, с вытянутым, словно лошадиная морда, лицом и с длинными давно невымытыми и нечесаными волосами. Впрочем, видение длилось лишь какое-то мгновение, а после привычный вид Маркуса снова вернулся, и Альфред, мотнув головой, словно прогоняя морок, развернулся и ступил в темный, коридор. В остальных комнатах этажа уже притихли, и даже свои собственные приглушенные шаги по ковру стали вполне различимы.

Альфред щелкнул кнопкой стилета, закрывая его, и затем быстро спустился в холл, где консьерж все также клевал носом за своей конторкой.

Глава 5

Тем же вечером, не заходя домой, Альфред отослал мальчика-посыльного в агентство «Гончие псы» с запиской лично Маркусу де Ниро:

«Дорогой друг, я нашел то, что вы хотели: продается породистый жеребец пегой масти. 190 талеров. Обращаться следует в контору конного завода Елизара Менаше»

Вообще-то, этот текст был предназначен для газетного объявления, но теперь, поскольку возникли кое-какие сомнения, Альфред решил послать это сообщение напрямую. В конторе наверняка знали, как переправить эту депешу непосредственно в руки Маркуса. Это объявление было одним из «аварийных», где требовалась не только срочная встреча, но также высказывалась настоятельная рекомендация быть чрезвычайно внимательным в плане слежки. Встретиться предлагалось в трактире «Луна и яичница», ибо в объявлении было использовано слово «пегий», а поскольку было упомянуто число 190, от него следовало отнять число месяца, то есть получалось – 180, а это означало, что Маркус должен прибыть к шести вечера, завтра.

Позавтракав в «Золотом колесе», Альфред направился в полицейское управление, намереваясь изучить происшествия последних двух – трех лет, которые по своему характеру были бы похожи на ситуацию, связанную со смертью бургомистра. На этот случай, министерство снабдило его специальным документом уполномоченного по делам внутренних расследований при главном полицмейстере. Это удостоверение открывало практически все двери для любых инспекций, и включало даже возможность вмешательства в некоторые следственные действия по текущим делам.

Альфред вошел в управление и, оглядевшись по сторонам, направился к остекленной загородке. Именно там, должен был восседать шеф полиции города. Пройдя ряд столов, где сидели обычные клерки и констебли, он, не постучавшись, вошел за загородку. Сняв шляпу, и после легкого поклона, направленного в сторону лысины, согнувшейся над столом, Альфред сообщил, что хотел бы видеть шефа полиции. Лысина оторвалась от бумаг, и на Альфреда направился недовольный и весьма суровый взгляд.

– Доброе утро, господин шеф полиции, – сказал Альфред бесцветным голосом. – У меня к вам небольшое дело. Надеюсь, это не отнимет у вас времени больше, чем потребуется.

С этими словами он подошел к столу и протянул визитку и удостоверение.

Шеф принял бумаги, и, шевеля губами, прочел, после чего, выражение его лица резко изменилось. Он вышел из-за стола и протянул пухлую руку для пожатия.

– Приятно познакомиться! Шеф здешней полиции – Карл Вольф! – кивком головы он поклонился. – Все, что вам нужно – будет предоставлено незамедлительно! – шеф снова убедительно кивнул.

– Спасибо, герр Вольф. Мне нужны дела об убийствах и странных смертях за последний месяц – и это в первую очередь. А затем и за последние года два, или лучше даже – за три. Это возможно?

– Разумеется, герр Ланге! Прошу вас присесть! Не угодно ли чаю, пока я буду отдавать необходимые распоряжения?

– Благодарю вас, – ответил Альфред таким же бесцветным голосом, – вы очень любезны.

Шеф выскочил за пределы загородки и зашикал на подчиненных. Через пару минут в загородку вошла пожилая дама с подносом. На подносе стоял подстаканник с крепким чаем, блюдечко с нарезанным лимоном, небольшая хрустальная сахарница, из которой торчали маленькие серебряные щипцы и тарелочка с имбирным печеньем, щедро присыпанным корицей.

– Благодарю вас, мадам... – сказал Альфред, принимая поднос, – вы очень любезны!

– Вообще-то... фрау Таттенбах, – ответила дама с достоинством и вышла за загородку.

Альфред отхлебнул чаю, и отметил, что он заварен с большим знанием дела и вообще очень хорош, видимо, привезен откуда-то из колоний. Печенье тоже было выше всяких похвал, и явно испечено совсем недавно. В общем, чаепитие из вежливости, на поверку оказалось очень даже приятным сюрпризом.

Как только Альфред поставил пустой стакан на поднос, – и ни секундой раньше, – в загородке появился клерк довольно заурядной внешности, как, впрочем, и большинство в этом здании. На нем был черный костюм, который создавал ощущение, что он несколько маловат для его хозяина, отчего последний немного походил на диванный валик. При этом ворот сорочки был явно большего размера, чем требовалось. Волосы вошедшего были щедро покрыты бриллиантинном и расчесаны на прямой пробор. Клерк сообщил, что часть интересующих инспектора материалов уже находится в комнате секретной части, а остальное будет передано по мере доставки.

«Сколько же это у вас убийств!?» – подумал про себя Альфред, но вслух произнес, – Благодарю вас! Не проводите ли вы меня в эту самую секретную часть?

– С большим удовольствием, герр Ланге! – ответил тот.

«...хм... а быстро они тут ориентируются...»: – подумал Альфред.

Они прошли по коридору в самый конец, где клерк открыл перед Альфредом дверь:

– Прошу вас, герр Ланге. Все интересующие вас дела здесь, – клерк указал рукой на один из трех столов, где уже возвышалась объемистая пирамида из папок.

Альфред кивнул:

– Благодарю вас, вы свободны. Да, вот еще... Могу я оставить материалы прямо тут, когда закончу изучение?

– Да, разумеется. Единственная просьба – сообщите шефу или мне, что вы уже уходите. Я – старший делопроизводитель, мой стол по правую руку от секции, где сидит шеф.

– Понятно. – Альфред кивнул.

Клерк поклонился и закрыл за собой дверь.

Альфред повесил пальто и шляпу и направился к столу, где лежали папки. Стол, надо сказать, как, впрочем, и вся мебель в этой комнате – «видал виды». Лак на его деревянных частях давно облупился, а дерматин, которым была обита столешница, и вовсе прохудился в нескольких местах.

Стул был колченогий и невероятно твердый, и Альфред прошелся к остальным столам, в надежде заменить это мебельное чудо чем-нибудь поудобнее. Однако, остальные оба стула, которые он обнаружил, были ничуть не лучше. Вздохнув и смирившись, Альфред осторожно уселся на твердого шатающегося уродца, и, раскрыв папку с первым делом, принялся ее листать.

Прочитав за несколько часов большую часть материалов, Альфред встал, и, потянувшись, достал из жилетного кармана часы. Было уже половина пятого, а, следовательно, нужно было заканчивать, и собираться на встречу с Маркусом. Собрав разложенные документы, и завязав тесемки на открытых прежде папках, Альфред вернул дела напомутому старшему делопроизводителю и вскоре покинул здание полицейского управления. На счастье мимо проезжал свободный извозчик, и Альфред, обрадовавшись такой удаче, тотчас остановил его и велел ехать к «Луне и яичнице».

Около половины шестого пополудни, Альфред занял столик в углу обеденного зала, откуда было удобно наблюдать за входом и при этом не бросаться в глаза. Люди приходили и уходили самые разные, и при этом самые обыкновенные: приказчики, работники из мастерских, пару раз заживали крестьяне – видимо, доставляли хозяину свой товар, и вся эта кабац-

кая суэта перемежалась истошными криками, мелкими потасовками – то тут-то там, и хозяйскими окриками, дабы присутствующие вели себя потише.

Как и ожидалось, в шесть без пары минут в дверях появился Маркус и стал медленно обводить взглядом зал. Альфред, немного привстав, помахал ему свернутой в трубку газетой и тот, кивнув, стал продвигаться по направлению к Альфреду, лавируя между столами. Точно также как вчера в «Змее и льве», когда Альфред направлялся к столу «испанского боцмана», Маркус, передвигаясь, оттолкнул от себя пару-тройку назойливых пьяных нагловатых девок и вскоре успешно добрался до места.

Подойдя, он слегка кивнул, а затем, немного поерзав, уселся на лавку. Сложив руки, словно школяр, Маркус вопросительно взглянул на Альфреда, точь-в-точь, как при первой встрече.

– Как дела? – спросил он спокойно.

– Вроде неплохо. – Альфред отложил газету на край стола.

– Что-то случилось? – немного тревожно спросил Маркус.

– Случилось. – Альфред достал сигару, зачем-то понюхал ее и после стал, неспеша раскуривать.

– И что же? – Маркус ерзал на стуле, из чего было件нятно, что он уже сгорает от любопытства.

– Вы знаете что-нибудь об экспериментах де Вилланова?

– Ну... вообще-то у него было немало открытий. – Немного подумав, ответил Маркус, – Среди прочего, он один из тех, кто получил философский камень, и это, к слову, достоверно... А что такое, собственно?

– А как насчет опытов с переменной внешности? – спросил Альфред, попыхивая и глядя сквозь дым на Маркуса.

– Ну, – Маркус слегка замялся, – я не думаю, что это серьезно. Легенд относительно этого существует множество, но я, признаться, не встречал ничего заслуживающего доверия. Есть лишь упоминания об этом эксперименте в рукописях его учеников, но повторить этот опыт, насколько я знаю, никому не удалось.

– Думаю, вы ошибаетесь.

– Правда? И кто же этот гений?

Альфред рассказал все, что с ним происходило накануне. Маркус изумленно смотрел на него, лишь время от времени потирая руки. За все время рассказа он ни разу не перебил собеседника, что прежде случалось не так уж часто, и что явно свидетельствовало о его огромном интересе.

Когда Альфред закончил, Маркус еще какое-то время молчал, а после сказал:

– Да, мой друг... Это действительно поразительно. Но какова была цель всего этого спектакля?

– Не знаю точно, но думаю – банальная рекогносцировка. Кто-то хотел разузнать, что именно нам известно и куда мы движемся с нашим расследованием. Я почти сразу понял, что тут что-то не так. Во-первых, я постучал в дверь произвольно, а не условным стуком, и этот тип открыл! Во-вторых, я вас уже узнал довольно близко, и знаком с некоторыми вашими привычками. Можно скопировать внешность, пусть это и невероятно трудно, но нельзя до точки скопировать личность. Например, у того самозванца была привычка проводить ладонью по лицу, словно бы снимая паутину, а за вами я этого не замечал. Кроме того, мы хоть и стали довольно близкими друзьями, но вы ни разу не обратились ко мне: «дружище». В общем, не все там было гладко, но неясно главное – кто это был. Впрочем, в силу того, что я ему ничего так и не рассказал, думаю, визиты еще повторятся.

– То есть нам следует полностью сменить всю систему оповещений и кодов... – задумчиво сказал Маркус. – А, собственно... Как он узнал, какие именно вопросы вы будете задавать? Ну,

хорошо, про любовника – это ладно. Он или даже они, ибо вполне вероятно, что этот человек действует не в одиночку, видимо тоже расследует это дело. Но вот насчет того спора о вороне?

– Знаете, я думаю, что это как раз довольно просто. Я как-то проводил один эксперимент, еще в университете. Так вот, если вы попросите сотню человек быстро задумать какой-то цвет, а затем немедленно задумать какой-то инструмент, то, примерно девяносто из них подтвердит, что задумали «красный молоток». Когда времени на размышления нет, и нужно говорить первое попавшееся, на ум приходит самое простое, самое яркое и то, что на поверхности памяти. Это может быть что-то недавно произошедшее, или же то, что поразило когда-то очень сильно. Разумеется, он рисковал, но рассчитывал на то, что, не имея времени на размышления, я спрошу нечто для него предсказуемое. Случай о споре с вороной, в сущности, известен всему городу. Так что, ничего особенно невероятного в его ответе не было. Ну, а если бы он и не ответил, то понятно, что шума я бы не стал поднимать, а скорее всего, просто бы удалился восвояси. Так что риск был для них не так уж и велик. Но, я не понимаю другого: допустим, можно изменять собственное тело, но каким образом при этом меняется все, в том числе и одежда!?

– Честно говоря, – спокойно ответил Маркус, – я не думаю, что вообще меняется что-либо физически. Скорее всего, изменяется восприятие окружающих. Вы просто «видите» перед собой другого человека, ну или даже все вокруг видят, причем не факт, что все видят одно и то же. Собственно, тем же вопросом задавался ученик де Вилланова – Раймонд Луллий⁹. В одном из трактатов¹⁰ он написал, что если бы во время «перемен лица» происходило физическое превращение, то непременно должен был бы меняться вес превращаемого субъекта. Ему вроде бы удалось не только повторить опыт де Вилланова, но и провести эксперимент с взвешиванием превращаемого. В силу того, что вес не менялся, он и пришел к выводу, что изменяется лишь восприятие окружающих.

– Интересно! И что же, все окружающие видят одно и то же? Ну, вот, скажем тогда в «Золотом колесе», все видели испанского боцмана? Хотя, да... вы уже сказали...

– Я пока не знаю точно. Хотя у того же Луллия я встречал некое упоминание мимоходом. Он писал, что просто изменить внешность – не бог весть, какая сложная задача, и ее может при известном усердии решить и довольно средний алхимик. Но вот добиться, во-первых, желаемого образа, а во-вторых, устойчивого – вот тут я как раз и подумал, что он имеет в виду ситуацию, когда все видят измененные образы одинаково. Так вот эта задача очень нетривиальная и доступна единицам. Он не написал, однако, удалось ли это кому-либо, включая его самого или же его учителю – де Вилланова.

– Да... Я понимаю... – Альфред потер ладонями виски, словно пытаясь отогнать головную боль.

– Противник умен, тут слов нет... И каковы будут наши выводы?– спросил Маркус.

– Выводы очевидны, я думаю. Но есть кое-что еще,– сказал Альфред, убрав руку от головы.

– Что именно?

– Понимаете, прежде, чем мы примем новую систему кодов, вам придется доказать мне здесь и сейчас, что вы – это вы, и что я не говорю снова с самозванцем.

– Разумно, – заметил Маркус без всякой иронии, – Что ж... через час я жду вас у себя дома. Вы зайдете и скажете Иосифу – это мой слуга – вы его знаете, что я просил вас, меня обождать. Это на тот случай, чтобы вы не подумали, будто я с Иосифом в сговоре. А дальше – сами увидите. Не помню точно зачем, но мы с ним придумали систему из шестнадцати чисел,

⁹ Раймунд Луллий (ок. 1235, Пальма-де-Мальорка – 1315, Пальма-де-Мальорка) каталанский миссионер, поэт, философ, теолог и алхимик. Один из наиболее влиятельных и оригинальных мыслителей средневековья.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду трактат R. Lully "Acerca de las formas de cambio de apariencia" 1685, Toledo. Этот трактат был переиздан по рукописной книге 1285 г.

вроде паролей с отзывами. Ну, суть в том, что человек может измениться и без опытов де Вилланова. Скажем – получить ожоги или шрамы. Так вот, чтобы в таком случае не возникло сомнений, мы и придумали эту систему.

– Ну что же, давайте попробуем... – Альфред встал и двинулся к двери,

– До встречи, – Маркус помахал ему ладонью.

В квартале вверх по улице, Альфреда, как и было оговорено, поджидал извозчик. Экипаж стоял на обочине, лошадь переминалась с ноги на ногу, а ее хозяин – немолодой уже человек с желтоватым худым лицом, подремывал, закутавшись в старую солдатскую шинель. Альфред тронул его за плечо и велел ехать на улицу Медников. Возница молча кивнул и натянул вожжи.

Спустя некоторое время тряской дороги, экипаж остановился возле дома, где Альфред снимал комнату. Дабы не привлекать внимание, он извозчика отпустил, условившись, что тот его будет ждать завтра утром на площади святой Катарины. Сам он поднялся к себе, довольно громко топая по ступеням, и после шумно хлопнув дверью. Затем обождав минут пять, и, прислушиваясь к тишине в коридоре, Альфред приоткрыл дверь. Убедившись, что там никого нет, он вышел, тихо защелкнув замок. Затем, на цыпочках, словно бы кого-то опасаясь, он перешел к лестнице черного хода, и, ступая по самому краю ступенек, дабы избежать скрипа, спустился вниз, и затем выскользнул наружу. Пройдя через палисадник, он вышел на улицу Медников. Следовало не спеша прогуляться до перекрестка, а затем, убедившись, что слежки нет, спуститься вниз по Угльной улице – довольно кривой и узкой. Здесь в доме Маркуса была дверь черного хода, куда бакалейщики доставляли продукты, и откуда прачки забирали корзины с бельем. Альфред постучал условным стуком. Иосиф его знал. Дверь отворилась на ширину ладони, и после, когда Иосиф убедился, что ничего опасного нет, позволил Альфреду войти.

– Иосиф, – не дожидаясь вопросов, сказал Альфред, – голубчик, не будете ли вы так любезны, и не проводите ли меня в гостиную? Хозяин просил его обождать. Он скоро прибудет.

Иосиф важно кивнул и жестом пригласил следовать за ним. Они пришли в большую комнату с камином, где Альфред с Маркусом провели не один вечер за бокалами шерри. Отдав пальто и шляпу слуге, Альфред с удовольствием уселся в кресло у самого огня, и вытянул уставшие за целый день ноги.

– Не желаете ли чего-нибудь выпить, герр Ланге? – осведомился Иосиф.

– Благодарю. Немного коньяку, думаю, не повредило бы, – он улыбнулся.

Иосиф кивнул и удалился, а затем вернулся через минуту с подносом, на котором стоял пузатый бокал дымчатого стекла, наполненный янтарной жидкостью.

Альфред принял бокал и поблагодарил, слегка кивнув.

Иосиф поклонился и направился прочь из комнаты, слегка размахивая подносом. Альфред раскинулся в кресле, закинув ногу на ногу, и попытался размышлять о прошедших событиях. Однако, не успел он расслабиться и сделать хоть пару глотков, как в прихожей хлопнула дверь и послышалась какая-то суета. «Похоже, вернулся Маркус»: подумал Альфред и поставил бокал на низкий столик. Маркус был, как обычно, весел и бодр. Шумно ввалившись в комнату, он шутил, стряхивал с бороды капли дождя, улыбался и давал Иосифу по ходу какие-то поручения по хозяйству. Обменявшись с Альфредом рукопожатиями, они сели у огня.

– Итак... – напомнил Альфред.

– Да-да, конечно. Иосиф, задержишься на минуту, пожалуйста.

Иосиф повернулся и слегка поклонился.

– Если угодно, – сказал Маркус, обращаясь к Альфреду, – запишите то, что вы сейчас услышите, на всякий случай.

Альфред кивнул и достал блокнот с карандашом в золотом футляре.

– Итак, Иосиф... Четыре!

– Четырнадцать, – невозмутимо ответил тот, будто только и ждал подобного.

- Пятнадцать, – продолжал Маркус
- Один, – ответил Иосиф с той же невозмутимой интонацией.
- Шесть...

Иосиф молчал

- Ах да, виноват: девять! – выпалил Маркус, махнув рукой.
- Семь... – сказал Иосиф с некоторым, как показалось, облегчением.
- Вот теперь – шесть!
- Двенадцать.
- Пять.
- Одиннадцать.
- Десять.
- Восемь, – Иосиф кашлянул, – Простите, сэр.
- Шестнадцать, – продолжал Маркус.
- Два.
- Три.
- Тринадцать, сэр...

– Спасибо, Иосиф, все ли сказано мной правильно?

– Осмелюсь доложить – абсолютно верно. За исключением случайной оговорки, после которой вы быстро поправились.

– Благодарю, вы свободны.

Иосиф ушел в кухню, а Маркус жестом предложил последовать за ним. Они оказались в библиотеке.

- Итак, запишите, дорогой друг, названные цифры в виде квадрата.
- В этом нет нужды. Я вижу, что это квадрат Юпитера.
- Верно, и все же, давайте для верности запишем.

Альфред повиновался, и затем протянул блокнот Маркусу. В блокноте был начертан квадрат Юпитера.

– Все верно, – подтвердил Маркус, – и каковы его свойства? Вы помните?

– Не помню, если честно. – Признался Альфред.

– Сумма любого столбца или строки равна тридцати четырем, а всего квадрата, соответственно – ста тридцати шести. Прошу вас выбрать тридцать четвертую книгу в этой библиотеке.

– А откуда считать? – немного удивленно спросил Альфред.

– Да, действительно, – изобразил удивление Маркус. – Откуда? Ну, скажем, а откуда мы начинаем строить гороскоп?

– От асцендента¹¹... – ответил Альфред, всем своим видом показывая, что не понимает, к чему тот клонит.

– Верно! То есть от Востока. – Он подошел к камину и взял с полки небольшую, размером с пятачок монету, медную коробочку и протянул ее Альфреду. Тот открыл и обнаружил внутри миниатюрный компас, корпус которого был вырезан из слоновой кости, а все надписи и азимуты были нанесены золотом и серебром. Компас, очевидно, был старинным и тончайшей китайской работы. – Какая красивая вещь! – невольно воскликнул он.

– Не отвлекайтесь, мой друг, – ответил Маркус, – Отыщите лучше центр комнаты.

Альфред повиновался и затем почти сразу сориентировался по сторонам света. После он подошел к шкафу, который находился точно на востоке от центра и нашел тридцать четвертую книгу, считая сверху и слева направо. Маркус трепливо ждал. Открыв книгу, и пролистав ее Альфред ничего не обнаружил и вопросительно посмотрел на Маркуса.

¹¹ Асцендент – точка в Зодиаке, которая на момент события или же рождения, была точно на Востоке.

– Друг мой, вы неверно считали! – улыбаясь заметил Маркус, – Компас, как вы верно заметили – китайский, а китайцы пишут сверху вниз и справа налево!

Альфред хмыкнул и стал снова считать книги, но уже передвигаясь от верхней полки к нижней, и так снова и снова. Наконец, он нашел искомую.

– Превосходно! – искренне отметил Маркус. – Теперь откройте ее на сто тридцать шестой странице, ибо, как я сказал, общая сумма квадрата равна ровно ста тридцати шести.

– Сто тридцать шесть – это в нашей системе, или тоже в китайской? – огрызнулся Альфред.

– Сто тридцать шесть – это во всех системах одинаково, – невозмутимо ответил Маркус.

Альфред нашел нужную страницу, и обнаружил там сложенный пополам листок бумаги.

– Здесь что-то спрятано, – сказал он, протягивая листок Маркусу.

– Я знаю, – ответил тот все тем же бесцветным голосом. – Прошу вас, откройте и прочтите.

Альфред отложил книгу и раскрыл листок довольно дорогой бумаги с водяными знаками. На нем каллиграфическим почерком было выведено:

«Настоящим заверяется, что человек, стоящий перед вами – есть Маркус де Ниро и никто иной, в силу того, что вероятность совпадения всех факторов, коим вы были свидетелем, составляет примерно один к восемнадцати триллионам, что гораздо больше, чем даже общее количество всех зерен риса на земле»

– Ну, что ж... – сказал Альфред примирительно, – Вы меня убедили.

– Замечательно. – Ответил Маркус. – Но что нам делать в дальнейшем, дабы избежать подобных проверок. Во-первых, это долго, а во-вторых, у меня не так много подобных козырей в рукаве.

– Ну, во-первых, – сказал Альфред, – следует сейчас же создать более серьезную защиту дома, скажем, по методу Гумбольта Касайского.

– А что... – ответил Маркус, – это и вправду хорошая мысль! Хотя, она и работает отсылы недели две... Но она вполне надежна, да и по прошествии срока, мы ведь всегда сможем ее повпорить. Вот только, я не уверен, что у меня найдется столько соли и гвоздей!

– Это ничего! – заверил его Альфред, – используем то, что имеем. Кстати, который час? – он достал из кармана часы... – Восемь с небольшим... Что ж... Вы не против, если Иосиф сходит, скажем, в «Золотое колесо» с моей запиской к Ласло, и купит пару фунтов соли?

– Это, пожалуй, было бы неплохо! – обрадовался Маркус.

– Тогда за дело! – Альфред написал записку в блокноте, вырвал страницу и вручил ее Маркусу, а тот, позвав Иосифа, передал ее ему.

– Я пока принесу соль, ту, что есть... – сказал Маркус, и уже было собрался идти на кухню.

– Оставьте примерно четверть фунта для прокаливания! – напомнил Альфред.

– Конечно! Я отсыплю, – ответил Маркус и ушел на кухню.

Альфред последовал за ним.

– Маркус, – посоветуйте, где бы взять мелких гвоздей и молоток полегче? – спросил Альфред уже почти в спину приятелю.

– Ах, да... Пойдемте, я вам покажу кладовую, а дальше вы уж сами, согласны?

– Само собой, – кивнул Альфред, пожимая плечами.

– Вот и отлично! – Маркус провел его коридорами и подвел к двери кладовой. – Возьмите, мой друг, все, что нужно и входите в любые комнаты без стеснения.

– Благодарю вас, – ответил Альфред и Маркус удалился.

Альфред нашел относительно небольшой молоток, клещи, мелкий напильник и банку с гвоздями. Все это он сложил в кожаную сумку и затем, прихватив фонарь с восковой свечой, вышел через черный ход на улицу. Далее его действия со стороны могли бы показаться

более, чем подозрительными, но, слава богу, на улице в такой час никого не было. Альфред прошел вдоль всего первого этажа, и вбил в каждую оконную раму по гвоздю. Причем, вбив гвоздь примерно на половину, он скусывал клещами шляпку, и затем затачивал напильником до остроты, каким бывает сапожное шило. Когда весь первый этаж был обойден, он спросил у Маркуса лестницу, и проделал все тоже и с окнами второго этажа.

Примерно через час Альфред вернулся в дом, где Маркус в каждой комнате раскладывал по углам горки соли, отмеряя их наперстком.

– Не возражаете, если я пока прокалю соль? – спросил Альфред.

– Да, сделайте такое одолжение, прошу вас, а я скоро уже закончу и присоединюсь к вам, – ответил Маркус.

– Договорились, – ответил Альфред и отправился на кухню, где увидел оставленные Маркусом на столе четверть фунта крупной соли. Он ополоснул чугунную сковороду, и затем протер ее насухо, заодно убедившись, что на ней не осталось прежнего жира или копоти.

Не спеша, он развел огонь в печи, и поставил сковороду на конфорку. Через несколько минут, когда было очевидно, что сковорода нагрелась и отдала весь дым, он бросил на нее пригоршню соли. В свете фонаря, Альфред увидел, что соль ведет себя очень странно: она, то собиралась в концентрические кольца, то скукоживалась, образуя горку, а затем почернела и, тогда раздался довольно громкий хлопок, соль разлетелась по всей сковороде, став совершенно черной.

В кухню вошел Маркус:

– Что тут у вас, мой друг?

Заметив перемены с солью, он тихо присвистнул, и сказал:

– Я сейчас возьму ковш воды, а вы берите сковороду и идите на улицу. Я – за вами.

Альфред кивнул, и, взявшись за ручку сковороды попавшейся под руку тряпкой, и прихватив другой рукой фонарь, стал продвигаться к черному ходу.

Подойдя к двери, он остановился – руки были заняты, и открыть ее он не мог.

– Я здесь, я здесь, – казал Маркус откуда-то сзади, – я открою, не беспокойтесь.

Он открыл, и Альфред ступил на улицу. Дойдя до перекрестка улиц Медников и Угольщиков, он высыпал соль на мостовую, а Маркус залил ее сверху водой, тихо сказав при этом: «Анаэль, Самаэль, Фарам!»

На третий раз, соль уже перестала менять цвет, и вообще более ничего подозрительного не наблюдалось.

– Что ж... – констатировал Маркус, похоже, мы отбились, – и, кстати, маловероятно, что они за нами следили и сейчас тоже, поскольку соль взорвалась не очень сильно.

– Согласен, – ответил Альфред, – но завтра, я настоятельно рекомендую поручить Иосифу большую уборку. Пусть наймет человек пять, поскольку нужно будет справиться от рассвета до заката и при этом заглянуть во все щели, отодвинуть все шкафы... Но, вы и сами, верно, знаете, что к чему! Так что, не буду вас утомлять.

– Да, знаю. Конечно! – улыбнулся Маркус.

– Что ж, тогда давайте вернемся к тому, как нам быть с системой идентификации друг друга. Я думаю, нужен какой-то парный предмет, который можно было бы, скажем, положить на стол, и при этом не вызвать подозрений, что это пароль.

– Верно... – ответил Маркус. – Многие прежде пользовались парными перстнями, но у меня таковых нет. Впрочем, у меня есть одна идея! Вы слышали прежде о кельтском огаме?

– Нет... не приходилось, – ответил Альфред прямо. – А что это?

– Ну, в сущности, это один из довольно примитивных методов шифрования, одной букве или цифре ставится в соответствие один символ. Так вот в качестве символа кельты использовали деревья, цветы... да что угодно. Среди прочего, можно использовать цвета, например. Допустим, мы ставим в соответствие каждому цвету одну цифру: Красный – один, оранжевый

– два и так далее, плюс еще черный и белый. Получается ряд от одного до девяти. Желательно располагать цифры по отношению к цветам случайным образом. Затем вы и я задумываем трехзначное число – каждый свое. И тогда мы можем составить задуманное число из цветных шнуров, какие используют для рукоделия. Например, ваше число, предположим – 586. Тогда комбинация цветов будет – голубой, черный и синий. Голубой – в упомянутом мной ключе – это 5. Но лучше, как я уже сказал, чтобы цифры не шли подряд. В дальнейшем, задуманные числа можно менять нечасто, а вот систему число-цвет, то есть ключ – надо менять при каждой новой встрече. Скажем, на четных встречах, я передаю новый ключ вам, а на нечетных – вы мне. По-моему не сложно. Таким образом, при встрече, вы кладете на стол кيسет или кошелек, к которому приделана кисть из цветных шнуров – ничего подозрительного, верно? Я кладу свой предмет в ответ – вы считываете мое число, вы его должны помнить, и на этом идентификация оканчивается.

– Да, неплохо... И выглядит довольно надежно. Что ж, мое число будет – 496.

– А, понятно! – Маркус улыбнулся. – Единственное трехзначное совершенное число¹²

– Верно! – ухмыльнувшись, ответил Альфред. – Вас ни с чем нельзя заставить врасплох!

– Ну, знаете ли, пифагорейство не менее изящно, чем хорошая музыка. И меня эта наука очень вдохновляет.

– Это верно. Меня магия чисел тоже чем-то завораживает.

– Понимаю, – задумчиво сказал Маркус, – что ж... в таком случае, мое число будет...

Ну, вот хотя бы – 325.

– Почему 325? – удивился Альфред.

– Да ничего особенного! Конечно же, это число не настолько ярко и значимо, как, выбранное вами. Но, в магии чисел, а конкретно – в халдейской традиции, оно трактовалось как $32+5$, где 32 – это максимальное проявление силы духа и мысли, а 5 – это божественная помощь. В общем, помощь свыше, нам, думаю, совсем не помешает, ибо загадок у нас впереди еще очень много. Вы согласны?

– Ну что же, вы правы, что тут возразишь... – Альфред пожал плечами.

– Тогда я запишу первый цветовой ряд, а на следующей встрече вы мне передадите свой вариант.

– Согласен. – Ответил Альфред.

Маркус присел к бюро, стоящему у окна, вынул лист бумаги и стал писать. Через пару минут он вручил Альфреду лист, на котором было написано:

« Красный – 2, Оранжевый – 9, Желтый – 1, Зеленый – 3, Голубой – 8, Синий – 7, Фиолетовый – 4, Белый – 5, Черный – 6»

– Итак, мой друг, на следующей встрече, к вашему кошельку должна быть приделана кисточка из трех шнуров: фиолетового, оранжевого и черного. У меня же будет – зеленый, красный и белый. Теперь об оповещении... Предлагаю пройти в мой кабинет и там все обсудить.

Маркус, спустя час или чуть больше, вышел из кабинета, и стал спускаться по лестнице, ведя Альфреда под локоть и освещая тройным подсвечником дорогу. При этом они продолжали что-то обсуждать. Присев у камина с бокалами, они продолжили беседу.

– Ну, а теперь, думаю, следует обсудить то, что вам удалось выяснить в полиции? – спросил Маркус

– Знаете, я немного устал. Ничего особенного я там пока не открыл, хотя поговорить все-таки нужно непременно. Вы завтра на службе?

– Вообще-то нет. Думаю, мне пока еще рано «возвращаться» из своего «вояжа».

¹² **Совершенное число** – целое положительное число, равное сумме всех своих собственных делителей. 496 имеет следующие собственные делители: 1, 2, 4, 8, 16, 31, 62, 124, 248; их сумма равна 496

– Пожалуй, вы правы. Тогда поговорим за завтраком в восемь в «Луне и яичнице»? Как вам такая идея?

– Превосходно. Буду ждать вас к восьми, – ответил Маркус.

С этими словами Альфред встал, кивком головы изобразил поклон, и направился к двери.

Глава 6

Наутро, Альфред появился в «Луне и яичнице» уже без четверти восемь. Хоть Маркуса все еще и не было, он, тем не менее, заказал завтрак на двоих. Большой Карлос понимающе кивнул и мигом удалился на кухню.

Вскоре в дверях появился Маркус. На нем был темный деловой сюртук, темные панталоны, белые чулки и темные башмаки с блестящими пряжками. Он чинно подошел к столу, и медленно отодвинув стул, стал усаживаться. Усевшись, он еще поерзал немного, усаживаясь поудобнее, а затем закинул ногу на ногу, и сложил руки на животе. Все это означало, что он явно предвкушал: новости будут интересными.

– Доброе утро, дорогой Маркус! Хорошо ли вы спали?

– Я всегда сплю хорошо, – ответил Маркус, с улыбкой и положив на стол кисет с зеленым, красным и белым шнурами. Альфред выложил свой кошелек с кисточкой, состоящей из нитей фиолетового, оранжевого и черного цветов, и, затем кивнув, передал Маркусу бумажку с новым цветовым ключом.

– Итак, примерно за месяц до убийства бургомистра, – начал Альфред, – произошло следующее. Да, к слову, вы знали о существовании в этом городе некоего специального отдела библиотеки, с крайне ограниченным доступом?

– Не скажу, что знаю много, – ответил Маркус. – В свое время я хотел получить туда пропуск, но мне было отказано.

– Интересно. И на каком основании? – удивился Альфред.

– Да, в общем-то, без особых разъяснений. – Маркус пожал плечами, – Главный упор был сделан на то, что книги в этом хранилище чрезвычайно ценные и при этом находятся в плачевном состоянии. А потому, доступ мне будет разрешен сразу же по окончании реставрации фонда.

– И такая реставрация действительно велась?

– Не знаю. Я не встречал никого, кто имел бы к этому отношение, кроме самого бургомистра, конечно. Собственно, именно он почему-то и выдавал пропуска в этот отдел.

– Вот как? А вы знаете людей, у кого был бы такой допуск?

– Никого, кроме самого бургомистра, его секретаря и архивариуса. Как же его звали-то, ну, этого смотрителя хранилища... Золтан... Золтан... – Маркус стал шелкать пальцами, пытаясь припомнить фамилию хранителя. – Ковач, кажется...

– Понятно. Так вот, за месяц до смерти бургомистра, в хранилище был обнаружен труп неизвестного, убитого ножом в сердце. Опознать его так и не удалось. Были допрошены все, кто мог иметь касательство к хранилищу, но это ничего не дало.

– А что говорит сам этот архивариус? – спросил Маркус с некоторым удивлением.

– Да ничего. Он показал под присягой, что никогда прежде не видел убитого. Собственно, он его и обнаружил во время утреннего обхода.

– Что-нибудь пропало?

– Достоверно сказать сложно, – ответил Альфред, – нужна основательная инвентаризация, поскольку секция эта довольно обширная: пять залов, да еще и запасник. Сами понимаете... Кроме того, там ведь не только книги. Это вообще-то, скорее даже небольшой музей, имеющий отношение к довольно экзотическим разделам магии и алхимии, в основном. Да, так вот, этот самый Ковач – так, кажется, вы его назвали? – провел по требованию следствия поверхностную ревизию и доложил о пропаже некоего малоценного экспоната. Это была бутылка с запечатанным в ней фантомом какого-то растения. Кто и когда сделал этот экспонат,

в деле никаких упоминаний нет. Однако, Ковач отметил, что извлечение подобного фантома – процесс довольно тривиальный¹³, а потому данный экспонат не считался очень ценным.

– Понятно.– Маркус задумался. – Продолжайте, мой друг, прошу вас.

– Ну, собственно, это пока что все. – Альфред откинулся на спинку стула и глотнул принесенный кофе.

– Может быть, стоит поговорить с этим Ковачем? – спросил Маркус немного озадаченно.

– Не думаю. Во всяком случае, не сейчас. Если он тогда ничего не сказал, то вряд ли и теперь скажет. Если мы решим его допрашивать, то нужен какой-то серьезный «козырь». Иначе – вряд ли это что-нибудь даст.

– Пожалуй... – Маркус снова задумался. – Скажите, барон, вы случайно не делали заметки относительно украденного экспоната? Мне любопытно, фантом, какого именно растения там был запечатан, ну и вообще... Я бы покопался в архивах, вдруг что-то интересное.

– Да, разумеется. – Альфред достал блокнот и, полистав, сказал, – Это был фантом *Platanthera bifolia*, предположительно полученный одним из учеников самого Василия Валентина. Это некое цветковое растение вроде бы... Я о нем ничего прежде не слышал.

– Хм, *Platanthera bifolia* ... Она же – ночная фиалка... Что ж... Тогда действительно... – сказал Маркус задумчиво.

– Что действительно? – удивился Альфред.

– Видите ли... Это довольно редкое растение и является магическим растением Луны.

– Ну и что? Мало ли магических растений Луны? – возразил Альфред.

– Это верно. Но, по большей части растения Луны способствуют удачному разрешению от бремени, хорошим сновидениям и даже помогают при несварениях желудка. Но далеко не все при вдыхании соответствующих паров вызывают сомнамбулизм.

– То есть? – переспросил Альфред.

– Дело в том, что правильно собранное растение, а затем правильно приготовленный из него декокт, а того пуще – спиртовой настой – способен склонять любого, вдохнувшего его пары, отвечать на все вопросы правдиво. И уж поверьте мне, даже на самые щекотливые вопросы. И при этом эффект может длиться в течение достаточно долгого времени, все зависит от умения и способностей мага. Фантом же и вовсе обладает огромной силой. И при этом даже вдыхать ничего не нужно. Тому, кто желает знать ответы, достаточно просто держать эту бутылку при себе. Понимаете?

– Что ж, возможно, это все меняет. И теперь вполне можно предположить, что приходили именно за этим экспонатом. – Альфред почесал подбородок.

– Не торопитесь, мой друг. Во-первых, мы пока еще не доказали, что приходили именно за ним. Могла пропасть, например, небольших размеров тетрадь с письменами, на никому неизвестном языке, и что там было – бог весть... Понимаете? А бутылка – это так сказать... попутный продукт – первое, что попало под руку, если вообще эта кража – не является способом отвлечь внимание от чего-то более существенного. А, кроме того, я не знаю доподлинно, как ведет себя фантом с тем, кто его украл, а не приготовил. Тут возможны сюрпризы. Мне нужно порыться в своих книгах. Ясно одно – я бы не торопился с выводами.

– Хорошо. Тогда – ваши соображения.

– Я же сказал – я не знаю пока. Но история с ночной фиалкой навела меня на определенные мысли. А не изготовить ли и нам такой фантом? На будущее?

– Ну, во-первых, придется ждать весны или лета, как я понимаю. То есть, пока это растение взойдет и зацветет. А во-вторых... – Альфред пожал плечами.

– Что?

¹³ См. Приложение 1. «Способ получения растительного фантома по Парацельсу и Э.Келли»

– Да ничего... Но, насколько я понимаю, мне Министерство не даст тут сидеть до лета. Тут и говорить нечего!

– Это – верно... – ответил Маркус смущенно. – Но я не это имел в виду. Главное – кое-что проясняется. Кто-то ищет сведения. И человек, видимо, серьезный. Фантом фиалки... Это вам не экстракт из корня одуванчика, скажу по чести... Но! У меня есть один рецепт. Я его никогда еще не опробовал, но... может быть, настало время?

– Что за рецепт?

– Вы знакомы с работами Бернардо де Тревизо¹⁴

– Ну, Добряк из Тревизо... Любой студент знает это имя.

– Держу пари, что вы о философском камне, который он точно открыл в восемьдесят два года?

– Ну, не только... – ответил Альфред смущенно.

– О, нет, мой друг. Философский камень был найден десятками алхимиков. Мэтр де Тревизо обнаружил также и множество других вещей, куда более интересных. В том числе и, так называемый эликсир искренности.

– Искренности? – удивился Альфред.

– Именно! – подтвердил Маркус. – Это, конечно, не фантом... Но вам достаточно смазать свои руки этим эликсиром и держать их перед собой, чтобы собеседник был предельно откровенен! Так утверждает трактат. И чтобы сделать этот эликсир потребуется не так много: полфунта серебра, немного ртути..., а остальное у меня есть. Так что? Хотите? Думаю, нам это пригодится.

– Что ж... давайте попробуем. – Альфред полез в карман и извлек оттуда небольшой мешочек. Думаю, здесь хватит на все. Включая и полфунта серебра. Кстати, я должен откланяться. Мне нужно еще поработать с полицейскими протоколами. Да, вот еще... Дело в том, что хозяин трактира «Змея и лев» – мой осведомитель. Он прислал сообщение о том, что ждет встречи. Сегодня.

– Вы уверены, что хотите пойти туда один?

– Не уверен. Но если вы приклеите бороду, и сумеете смешаться с тамошним сбродом, думаю, мне бы это не повредило.

– Само собой! – Маркус заулыбался. – Иосиф отлично умеет клеить все эти театральные аксессуары.

– Что ж... встреча в четыре. Если в четыре-пятнадцать, меня в зале не окажется. Значит – что-то случилось.

– Понимаю. При вас будет оружие? – спросил Маркус.

– Только стилет, я думаю. Все прочее слишком громоздко, а наш информатор пока что себя ничем не скомпрометировал.

– Будьте осторожны, мой друг. Я постараюсь в случае чего быть полезен. – Маркус лукаво подмигнул.

Ступив на порог грязного кабака «Змея и лев», Альфред обвел глазами стойки в поисках хозяина. Обычно тот стоял и протирал кружки, одним глазом поглядывая на происходящее в залах. В драки он вмешивался редко, и только в тех случаях, когда начинали ломать мебель. Впрочем, все становилось в высшей степени благопристойно уже в тот момент, когда он, подбоченившись, выходил из-за своей стойки и, ступив в зал, закатывал правый рукав.

¹⁴ **Бернардо, Добряк из Тревизо** (1406-1490). Видный алхимик своего времени. Граф небольшого итальянского пограничного государства, подчинявшегося Венеции. Начал свои труды в 14 лет. А философский камень был им найден только в 82 года. Написал множество трактатов по алхимии и магии.

– Вот то-то! – обычно говаривал он, в тот момент, когда в зале, словно по мановению волшебной палочки, все стихало, и все смутьяны чинно рассаживались за свои столы.

Изрыгая страшные ругательства в адрес мерзавцев, затеявших очередную потасовку, хозяин снова возвращался к своим кружкам.

Это был никто иной, как сам одноглазый Милашка Гарри. Поговаривали, что он родился под лавкой в одном из притонов, и выжил только потому, что мамаша его была вдрызг пьяна, а то бы непременно придушила, еще до первого вопля. Кто-то из шлюх, говорят, его тогда пожалел и не дал сдохнуть в первые же, самые важные месяцы жизни. После, когда Гарри подрос и окреп, он стал бродяжничать и попрошайничать, научился ремеслу карманника и форточника, и после уже прибивался то к одной банде, то – к другой. Спустя годы, став мужчиной, он прошел две или три войны, где как говорят злые языки, мародерствовал люто, что, видимо, и стало основой его небольшого капитала, который он и пустил на покупку весьма задрипанного кабака, который после почему-то назвал «Змея и лев». В общем, в тонкостях, касающихся вопросов чести, Милашка Гарри был несилен, а уж по части доктрины о бесценности человеческой жизни и вовсе имел самое поверхностное представление. По этому поводу он высказывался лишь в том смысле, что ежели надо кого-то пришить, то делать это стоит по-тихому, и без лишних угроз, а то ведь могут ненароком и «шейный платочек намылить».

Однажды, Милашка посмел налить Альфреду прокисшего пива. Альфред решил этим воспользоваться. Он выволок его в подвал и затем долго объяснял, в чем именно он – Милашка Гарри – был неправ. Нет, не подумайте, это было совсем непросто. Милашка весил килограммов на тридцать больше Альфреда. Однако, Министерство обучало своих следователей и дознавателей технике допроса в подобных случаях довольно тщательно, и, судя по всему, обучало довольно неплохо. Через час Милашка сознался в сутенерстве, а еще через час согласился сообщать Альфреду обо всем подозрительном.

Здесь Альфред проделал эффектный фокус, которому его также обучили в Министерстве. Он сделал надрез на пальце Милашки, а после тотчас его заживил. Затем велел солгать в ответ на какой-то вопрос, и рубец тотчас вновь начал кровоточить. Этот простенький фокус, на удивление, произвел на Гарри огромное впечатление, и далее он уже работал на совесть, хотя и постоянно канючил о надбавке к своим скромным «гонорарам». Впрочем, в его заведении происходило мало такого, что могло заинтересовать Министерство. Например, на прошлой неделе некий Жульен, по прозвищу Рыбий Глаз зарезал проститутку. Или чуть раньше, неизвестный в округе Себастьян-кастрат где-то подломил кассу и уже неделю прогуливал украденные деньги... В общем – ничего особенного. Альфред и в этот раз шел без особого интереса, но идти было нужно. Этот люд мог простить даже сломанный во время светской беседы нос, но игнорирование их драгоценной особы – никогда.

– Наверное опять какой-то матрос устроил поножовщину... Или что-то в том же роде, – размышлял Альфред, поскальзываясь время от времени на объедках, выброшенных на мостовую.

Чуть раньше назначенного времени, он оказался на пороге заведения «Змея и лев» и тотчас увидел у стойки озабоченного Милашку Гарри. Тот, увидев Альфреда засуетился, и со значительным видом направился в подвал. Альфред, стараясь не привлекать внимание, прошел к столику у подвальной лестницы. Он сел и, заказав пива, через пару минут тоже нырнул под лестницу. Гарри сидел на мешках недовольный и даже злой.

– Гарри? – Альфред поднял бровь.

– Садитесь, чего уж... – буркнул он. – Пива хотите? Или чего покрепче?

– Потом. Не тяни. Сначала о деле.

– Ладно. – Гарри стал еще мрачнее. – Я вам тогда не сказал... Ну, в общем... у меня тут играют по маленькой...

– Ну, я догадывался. И что?

– А то! Приходил тут ко мне один тип. Ну, не из наших, короче. Играл уже не один год. Когда проигрывал, когда выигрывал – как все, в общем. А тут... Я думаю, что уже месяц тому... является в новом костюме и делает большую ставку, и представьте, золотыми монетами! Старинными. И что за монеты – никто не знает. Но золото отменное. Тут все чин чинном.

– Так, и что? – не удержался Альфред.

– А то, что прежде, он приносил те же самые монеты, но были они серебряные, а то и вовсе медные! Серебряные мы еще брали, а вот медь я лишь раз взял как диковину.

– Вот эти! – Гарри полез в карман и достал пригоршню монет.

Альфред достал лупу и стал их разглядывать. Монеты были явно греческие и довольно древние. Но самое поразительное было то, что совершенно одинаковые монеты были и золотые и серебряные.

– Ясно. Вот тебе возмещение, – Альфред протянул Гарри мешочек. – А это я должен забрать. Сам понимаешь: государственное преступление.

– А как же я? – возмутился Гарри.

– Спокойно, Милашка! Для прокола я напишу, что эти деньги были изъяты у Селестины. Ну, у той проститутки, которую пришили недавно, помнишь? Так пойдет?

– Пойдет, не очень уверенно ответил Гарри, пересчитывая монеты, которые ему Альфред дал на откуп.

– Все в порядке, Милашка? Или чего-то не хватает?

– Все в порядке, милорд, – ответил Гарри, суя кошелек за пазуху.

– А кто был тот человек? Ты его запомнил? – спросил Альфред.

– Запомнить – то запомнил, но не знаю кто он. Худой, высокий. Бородка эспаньолкой. Неплохой боец, к слову. Одному тут рыло начистил, даже я был в восхищении!

– Вот как?

– Да, ходит, кстати, с тростью, как и вы. – Заметил Гарри.

– А во что играет? – осведомился Альфред.

– Не поверите! В маджонг с китайцами!

– Это еще что? – удивился Альфред.

– Ну, что-то вроде нашего домино, но сложнее. Картинки там всякие китайские.

– И что же наш иногда и выигрывал?

– То-то и оно! Еще месяц назад – как все. А уже с месяц – только выигрывает. Глядишь – меня по миру пустит!

– Вот как? Значит так Гарри. Теперь дело нам обоюдно выгодное. Как только появится этот игрок, пришли мне мальчишку посыльного, вот с этим предметом. Ты знаешь, где меня найти. – Альфред порылся в карманах и достал оттуда чистый носовой платок со своим вензелем.

– Будет сделано, милорд. – Гарри даже изобразил подобие поклона.

– Ну, вот и хорошо. Ступай к своим смутьянам, – сказал Альфред почти ласково.

Гарри кивнул и стал подниматься вверх по лестнице. Спустя несколько минут поднялся и Альфред. Он бросил взгляд на пьяного купца, очевидно – итальянца, развалившегося за столом у самой двери в подвал. Тот, видимо, уже был изрядно пьян, и клевал носом над своей кружкой, и лишь при появлении Альфреда, бросил довольно негодующий взгляд, хотя, впрочем, уже в следующее мгновение, он снова склонился над своей кружкой, клюя носом, в знак презрения ко всему трезвому миру.

Глава 7

Альфред вышел из таверны «Змея и лев» примерно в половине пятого, и тотчас вскочив в проезжавший мимо экипаж, велел вознице ехать на улицу Медников.

– С вас три сантима придется! – проворчал возница.

– Езжай, езжай! Дам и пять, если не будешь тащиться, словно неживой, – буркнул в ответ Альфред.

– Да, уж! Все так говорят... – снова проворчал возница уже в полголоса, но все-таки стегнул лошадь, и та побежала живее.

Добрались довольно быстро и, Альфред сдержав слово, выдал вознице обещанные пять сантимов. Тот, явно не ожидая такой удачи, благодарно закивал. Альфред, как прежде, решил зайти в дом Маркуса с черного хода, и потому двинулся вверх по улице. Он свернул в кривоватый переулок и вскоре подошел к двери с обратной стороны дома, что выходила на улицу Угольщикова. Он еще раз огляделся, и, убедившись, что слежки нет, постучал условным стуком. За дверью не было слышно никакого движения, и потому он стал ждать. Вскоре дверь открылась, но на пороге – Альфред даже отшатнулся – стоял не Иосиф, как это обычно бывало прежде, а, кажется, тот самый купец-итальянец, что сидел подле входа в подвал. Только теперь итальянец был вполне трезв, и лицо его расплылось в широкой улыбке.

– Что, не узнали!? – Засмеялся он громко, во всю глотку. – Я же говорил, что Иосиф мастер по части театрального грима!

Альфред очень смутился, ибо только теперь узнал в итальянце Маркуса.

– Черт меня побери! Но до чего же искусен ваш Иосиф! – воскликнул Альфред.

– Это верно! – согласился Маркус. – Но вы входите, незачем торчать на улице у всех на виду.

– Да, конечно, – ответил Альфред, ступая на порог.

Они прошли в гостиную.

– Друг мой, – сказал Альфред, – я бы с удовольствием обождал вас, пока вы примете свой обычный облик. Думаю, торопиться нам пока что некуда.

– Ну что ж... Иосиф! – крикнул Маркус слуге.

Через минуту на пороге появился Иосиф и слегка поклонился.

– Иосиф, будь добр принеси господину Ланге чаю, а после пойдем, поможешь мне снять грим.

– Слушаюсь, – ответил слуга, снова поклонился и удалился из комнаты.

– Ну что ж, я пойду, начну пока что, – сказал Маркус Альфреду.

– Конечно, – ответил тот, усаживаясь в кресло, и беря со стола вчерашнюю газету.

Через полчаса Маркус снова появился в гостиной, идя вслед за Иосифом, который освещал путь, поднимая над головой подсвечник. За окном уже почти стемнело. Маркус был бодр и явно доволен жизнью, он улыбался и потирал руки, словно предвкушая нечто захватывающее.

– Итак, мой друг, я вас внимательно слушаю, – он уселся в кресло напротив.

– Видите ли... – Альфред был явно чем-то смущен. – Я тут пришел, чтобы разработать план допроса этого Золтана Ковача... Но...

– Что такое? Ваши планы изменились? – Маркус налил в бокалы шерри.

– Изменились. Посмотрите сами, – Альфред протянул газету.

Маркус надел очки, поднес газету поближе к свету от канделябра. Он стал пробегать глазами страницу объявлений. Справа сверху, как всегда внутри витиеватой рамки, было написано:

«Оказываю мелкие услуги по дому или же в конторе. Большой опыт работы секретарем и переводчиком. Читаю и пишу на пяти языках. При необходимости могу также быть и телохранителем. С предложениями о работе обращаться к Ноаху Бакстеру, трактир «Золотое колесо» – Значит, сегодня в восемь... Проговорил Маркус, немного изменившись в лице, а после, словно спохватившись, достал из кармана кiset, к которому были прикреплены три шнура: синий, зеленый и желтый.

Альфред в свою очередь тоже достал кошелек, с трехцветной кисточкой, в которой были красные, голубые и оранжевые нити. Маркус кивнул, и спросил:

– Вы ничего не хотите мне передать?

– Ах, да, простите – Альфред выхватил из кармана блокнот и быстро написал список цветов и соответствующих цифр. Передавая листок Маркусу, он отметил:

– Ваши цвета в следующий раз – желтый, зеленый и синий.

– Да... А ваши – белый, красный и голубой, – констатировал, в свою очередь, Маркус.

– Верно. Итак... Что будем делать?

– Как что? – удивился Маркус.

– Нет, встреча состоится. Это не обсуждается. Быть может, попробовать задержать самозванца?

– И тогда, скорее всего, оборвете нить, связующую его с кем-то еще. – задумчиво ответил Маркус.

– А если он действует в одиночку? – спросил Альфред.

– Возможно, конечно... Но, что-то мне подсказывает, что это не так.

– Хорошо. Ваши предложения, – Альфред сделал глоток из бокала и откинулся на спинку кресла.

– Надо подумать... Понимаете, я много размышлял после той вашей первой встречи. Если ему удалось добиться такого портретного сходства со мной, то тут, скорее всего эксперименты де Вилланова ни при чем.

– Вот как? Почему же?

– Дело в том, мой дорогой барон, что алхимическое деланье, хоть и приводит к предсказуемым результатам, но эти результаты всегда немного разные. Вот, скажем – философский камень. Штука сложная, что и говорить, но отыскали его не менее двух десятков алхимиков. И при этом все – разными путями. Интересно и то, что лишь пятеро из них сумели повторить прежний результат. Среди таковых был некий Александр Сетон, который утверждал, что трижды повторил один и тот же опыт с получением философского камня. И притом, что он скрупулезнейшим образом делал все взвешивания и замеры, в первый раз полученный камень весил сто три грана, второй – пятьдесят девять, а в третий – сто тридцать семь. Понимаете о чем я?

– Интересно, почему все три раза вес камня представлялся простыми числами?

– Да... – немного ошарашено ответил Маркус. – Я как-то прошел мимо этого факта. Надо подумать... Но все равно, я хочу сказать, что в деталях результат алхимического опыта, видимо, всегда непредсказуем. А что говорить об изменении внешности! Здесь столько вариаций...

– Хорошо, тогда что же это было, по-вашему? – спросил Альфред.

– Я не знаю точно. Но я читал в трактате довольно известной, в свое время, женщины мага Клер Уотерхауз нечто, что натолкнуло меня на мысли, которые могут оказаться полезными. Дело в том, что мадам Уотерхауз была казнена за то, что убивала своих врагов при помощи неприкаянных духов, которых, якобы, добывала из самой преисподней!

– Интересно! – воскликнул Альфред.

– О, да – безусловно, она была бы подопечной вашего Министерства, если бы не оказалась на костре около ста лет назад. Да, так вот, ее трактат, чудом сохранившийся благодаря ее

тайным последователям, утверждает, что дибук¹⁵ – это вовсе не «змееподобная пиявка», как его представляют в современных книгах. Впрочем, это лишь сама мадам Уотерхауз почему-то считала, что имела дело именно с дибуками. Среди прочего, Клер утверждала, что при помощи особых трав и грибов, можно перемещаться в миры, весьма отличные от наших, но при этом такие же реальные. В некоторых из них обитают, как она пишет – неприкаянные духи, они же – дибуки. Согласно ее представлениям, это существо-дух можно перетащить в наш мир. Клер умудрялась их запечатывать в бутылки и хранить особым образом, с тем, чтобы те не погибли. А затем, откупоривая бутылку в нужном месте и в нужное время, и проводя при этом необходимые магические действия, она заставляла дибука вселиться в жертву, которую она наметила. Некоторые из жертв, и, к слову – довольно многие, судя по материалам следствия, этой атаке не выдерживали и довольно скоро умирали. При этом их тело оказывалось твердым, словно камень! Отсюда, видимо, и родилась уверенность Клер, что она имела дело именно с дибуками¹⁶. Кстати, те, кто выживал, не могли смотреться в зеркало, это их убивало! Да, надо отметить также, что выжившие очень напоминали лунатиков, а некоторые постоянно находились в некоем подобии ступора. При этом человек тем больше проводит времени в подобном состоянии летаргии, чем дольше он был поражен дибуком. И еще одно. Было отмечено, что у некоторых из пораженных, иногда изменялась внешность. Не сразу, но постепенно.

– Интересно. Но вряд ли это наш случай.

– Да, я понимаю, – ответил Маркус. – Но, я думаю, что ответ следует искать где-то в этом направлении. Дело в том, что в трактате «О духах» Авраама ибн Эзра, я встречал одно любопытное упоминание. Собственно, только у него, но в данном случае это не имеет значения, ибо мы как раз и имеем дело с чем-то неизвестным широкому кругу. Дело в том, что когда он путешествовал по Магрибу, он встретил арабского мага и астролога по имени Али Акбар-Саид ибн Ишхад аль-Иблис. Вероятно, этот Али Акбар-Саид считал себя потомком самого Ишхад аль-Иблиса. Последний – уж точно был бы главным подопечным вашего министерства, но он тоже жил, увы, слишком давно – в первом веке нашей эры. Судя по некоторым рукописям, дошедшим до нас, он был инферналистом невероятной силы. Одним из немногих, кто якобы сумел заключить союз джинов и магов и провозгласил себя Королем-Демоном. Опираясь на этот союз, он захватил власть в одном из древних городов и затем начал править, словно великий Эмир. Его ученики и сторонники, известные как Иблисиды, захватили еще три города. Но я о другом, собственно... В трактатах его учеников, один из которых попался на глаза ибн Эзру, говорилось о том, что существуют так называемые джины-мамлюки, то есть духи, заключенные магами в предметы, или тела других людей. По желанию мага, этот дух может управлять человеком и даже изменять его внешность. Как и в случае с опытами Клер Уотерхауз, подобное «соседство» в собственном теле выдерживали не все, но целью мамлюка было не мучение своей жертвы, как бы это обстояло, например, с подселением ифрита¹⁷

¹⁵ **Дибук** (ивр.)– злой дух, одержатель, упоминаемый в кабалистической литературе в XVII века.

¹⁶ Согласно поверьям, дибук часто убивает человека, превращая его в камень. Если дибук встретит на своем пути зеркало, то, подобно василиску, превратится в камень он сам.

¹⁷ Ифриты – джины, ненавидящие людей и сознательно уничтожающие их. Их чары обычно связаны с огнем, который, видимо, являлся воплощением ярости, направленной на людей. И огонь этот всегда зеленого цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.